

Михаил Аверин

ПЕНЬКОВСКИЕ ЗОРИ

Михаил АВЕРИН

ПЕНЬКОВСКИЕ ЗОРИ

Из публикаций разных лет.

РАССКАЗЫ

г. Петропавловск

84Каз7

A19

Спонсор—коллективное
предприятие „Рощинский“

48552

Булаевская ДСО
Сос. Каз. обл.

Пеньковские зори. Из публикаций разных лет Рассказы
Петропавловск, 1993 г.

Защита родной природы, бережное отношение к ней—основная
мысль рассказов Михаила Михайловича Аверина, вошедших в сбор-
ник «Пеньковские зори».

Автор показывает в нем, как возвышаются чувства и думы людей,
соприкоснувшихся с красотой родной земли, как врачует природа
душу и сердце.

Михаил Михайлович Аверин родился в 1911 году в казачьей станице Новопавловке Северо-Казахстанской области. Образование среднее. Юные годы прожил в селе Пеньково, основателем которого в 1923 году явилась их семья.

Трудовой путь Михаила Михайловича — хлебороб, рабочий мясокомбината, мельницы № 10, тракторист совхоза «Чаглинский» (ныне им. Кирова) Кокчетавской области. По окончании курсов десятиков-строителей в г. Петропавловске участвует в проведении оседания казахского населения в Акмолинской области, учетчик, а затем счетовод коопхоза «Рыбное».

С 1934 года пишет заметки, зарисовки о лучших производственниках в газеты «Карагандинский комсомолец», «Ленинское знамя». Работал на комсомольской, партийной работе, свыше 20 лет посвятил делу кинофикации области.

Участник войны, кавалер двух орденов, 12 медалей. Ныне — на заслуженном отдыхе, по-прежнему активно занимается общественной деятельностью. Является старейшим членом областного литературного объединения. Пишет пьесы, рассказы, очерки. Публикуется в областных и республиканских газетах, журналах, сборниках «Зори над степью», «Лик земли». Пьеса М. Аверина «На берегах Ишима» шла на сцене областного драматического театра. Пьесы «У нас в Рябиновке», «Солдат вернулся», «Памятники живущим», «Сенькины интермедии» ставились на сценах сельских клубов.

Читатели наших газет часто встречаются с его рассказами, зарисовками и очерками об экологическом состоянии природы нашего Приишимья.

На озере Широком

(Наша боль)

КОГДА мне исполнилось двенадцать, я с помощью отца в совершенстве овладел косой. Рядок прокашивал несколько хуже отца, но чистота косьбы и аккуратность укладки валька не уступали отцовскому.

Однажды, как только стапичники «нарезали» сенокосные деляны, отец за ужином сказал:

— Деляна нынче пельтохая, четыре стога даст. Как думаешь, казак, одолеем?

— Одолеем — ответил я. Ты два и я два стога.

Отец расхохотался, а потом сказал:

— Это ты правильно решил. По два, так по два. Завтра на рассвете выезжаем. Так что пораньше укладывайся. Отоспись. Силенки поднакопим. Стог покосить — не рыдванку сена под бастрок нагрузить.

— А где деляна?

— Возле озера Широкого.

Услышав название, мне стало как-то не по себе. А после того, как он сказал, что на берегу сделаем из свежей травы балаганчик, в нем жить будем, тогда мне вообще стало страшновато.

— А пельзя возле другого озера? — спросил я.

— А чем тебе Широкое не приглянулось?

— Да так... Птицы там много. Гомонить будут, не унешь.

— Ночью птицы тоже спят. А днем нам не до сна. Чуток вздремнем, и дальше: жжжж-жжжж-жжжж.

Насчет помехи птичьего гомона я, конечно, придумал. Отсутствие моего желания быть рядом с загадочным озером Широком, крылось в другом. Уж больно много в нашем селе страшноватых наговоров было о нем. Говорили, всякий смельчак-охотник, решивший пробиться через пятиаршинные камышовые дебри и лабызы к середине, где якобы есть и плесы и островки, на которых растут деревья и кустарники, обратно не возвращался.

А вот какие причины невозврата, то в суждениях их было много разных толкований. То заблудился, то в тишу затянуло. Ходили слухи, будто бы когда-то и кто-то явно видел,

как из камышей показалась русалка да тут же с хохотом исчезла... Ну, а там, где русалки, там непременно и ведьмы водятся.

Приехали мы на восходе солнца. Распрягли и оприкопчили лошадь. Отец подыскал бугорок для балагана. Из привезенных палок стал сооружать каркас, а я тут же бросился косить траву для балагана.

Над озером внесл неистовый гомон птиц.

От близкого и внезапного хохота мартына я невольно испугался и вспомнил про русалку...

— Тять, а что, взаправду в Широком русалки и ведьмы живут? Отец засмеялся:

— Вон, оказывается, почему ты не хотел жить возле Широкого.

— Люди же говорят.

— Говорят, это верно. А для чего говорят, знаешь? Я скажу тебе по секрету, но ты — никому!... Понял?

— Понял.

— Ну так вот. Всякие ведьмы да русалки — выдумка. А для чего? Чтобы ваш брат сюда не заглядывал да птиц не тревожил. Здесь птицы гнездятся, свое потомство выводят. Тишина им пужна. А как ее сохранить, тишину -то эту? Вот и придумали пугало, которого даже охотники, и те побаиваются. А знаешь ли ты, какая здесь птица водится? В основном самая крупная: гуси, лебеди, журавли и целая тьма всяких уток. Такой благодати для птиц у нас во всей округе нет. Озер много, а такого нет. Его как бы сама природа нарочно придумала для расплода птиц. Вслушайся, сколько здесь их, а попробуй доберись. Погибнешь, но не доберешься. Сплошная топь. Вот она-то для охотников и есть та «ведьма», которая запутает и никак не выпустит. Так что и для вашего брата—ребятишек лучше стороной обходить это озеро.

После этого я то и дело вслушивался в сплошной гомон. Кажется, там, где-то на середине, идут неусмные споры, а может быть, радости, разноголосье птиц. И поблизости, вот совсем рядом: за сплошной высокой стеной непролазного камыша, ясно слышны всплески воды, то вдруг тревожное жряканье или буханье выпи, или звонкие лысухины: тив-тив-тив...

На всю жизнь запомнились мне экзотические журавлиные танцы, которыми мы с отцом часто любовались в проделанные отверстия в нашем балагане. Происходило это

обычно рано, на восходе солнца. Журавли, словно по команде, слетались со всех сторон озера, плавно приземлялись на выкошенное поле и начинали свои явно радостные танцы — кто во что горазд.

— Это в основном хозяева озера, — сказал отец. — Ишь как форсят друг перед другом. Любовь по своему выражают.

Позже, с возрастом, я разузнал много подробностей об этом озере Широком.

Глубина летом не больше двух метров, но структура такова — заплывать на лодке невозможно. Пешему — «его препятствий»: непроходимый камыш, вязкая тина. В нем обитает карась, но взять его, так же как и птицу, здесь невозможно. Если охотнику удастся сбить птицу на лету, то все равно он не найдет ее в этих зарослях.

Из населенных пунктов самое близкое от озера — наше село Пеньково. Основателем его в 1923 году был мой отец — Михаил Матвеевич. Переселенцы были из станицы Новопавловской, а в следующее лето к нам прибыл кочевой аул.

В селе были рыбаки и охотники. Среди казахов были известные на всю округу охотники на волков, лис и горностая — особенно братья Исманловы: Рамазан, Мукатай и Аяш.

Характерен пример: загнанные волки постоянно стремились «дотянуть» до озера Широкого, а там, в могучих зарослях камыша, где под толщей снегов лед, как правило, тонкий, конь не пройдет, а для волка спасение. Поэтому, промышляя, джигиты, преодолевая снежные сугробы, спешили во что бы то ни стало преградить им путь к озеру.

Уникальное озеро ценили за птичье богатство и рыбу, но, главное, радовало селян то, что оно, накопив за зиму в своих камышах огромное количество снега, каждую весну затопляло водой соседнюю падь, что давало обильные урожаи естественных трав. Бывало, закончится сенокос, и на просторах приозерий вырастают многие сотни аккуратно уложенных и гладко причесанных стогов душистого сена.

Но годы шли, и лик приозерья менялся в худшую сторону. Особенно изменилась природа междуозерья с тех пор, как все было вспахано под самый урез воды. Обмелели, притихли с Широким озера: Черепково, Воровское, Караболка, Малое Белое. Тонкий (мошковый) плодородный слой, дававший питательные корма скоту, навсегда захоронен. Вывер-

путый панзнанку беляк превратил когда-то голубовато-зеленые поля в бесплодную унылую пустыню.

В наше время дети понимают: человек — венец природы, наделенный ею разумом, и поэтому обязан быть природе другом и помощником. Известно школьникам и то, что человек начал наносить ущерб природе с того отдаленного от нас времени, когда в его руках появился топорик.

Но можно ли теперь сравнить тот топорик с такой могучей техникой, которую ТЭЦ-2 подогнала к берегам озера Широкое, чтобы в ближайшее время очистить, углубить и превратить в очередной золоотвал.

Узнав об этом, я, словно угорелый, забыв свой преклонный возраст и сердечную аритмию, тут же помчался к руководству областного общества охраны природы, где состою общественным инспектором, с порога, переведя дух, спрашиваю:

— Что же вы делаете?

— Расскажи толком. Чего шумишь? — спрашивает зам. председателя общества охраны природы Герой Социалистического Труда Петр Яковлевич Филиппенко, общепризнанный любитель природы и яростный защитник ее.

Я тут же на листе бумаги схематично нарисовал расположение близких к ТЭЦ-2 озер, рассказал об уникальной ценности озера Широкое и попросил отвести нависшую угрозу. К счастью, он меня понял. И, зная не хуже меня эти озера, пообещал «угрозу отвести».

На другой день он явно расстроенный, сказал:

— Опоздали мы с тобой. Широкое постановлением Совмина Республики Казахстан, по ходатайству нашего облисполкома передано ТЭЦ-2 под золоотвал. Решение исполкома было согласовано и завизировано Ишимской бассейновой инспекцией, Госохотинспекцией, инспекцией рыбоохраны и даже руководством совхоза «Рощинский», на угодьях которого находится озеро.

Всех их понять нетрудно: люди они в должностях своих и по возрасту молодые. Их понятия о Широкое были, прямо скажу, поверхностные. Они знали, что на всех соседних озерах видна вода, на них можно плавать, рыбу ловить, охотиться, а Широкое — сплошной камыш...

— Но вы-то, Алибек Салихович, как решились дать согласие? — спрашиваю директора совхоза «Рощинский».

— А как бы вы поступили на моем месте? В облисполкоме я отказался визировать проект решения, учитывая то,

что хотя и немного, но все же по берегам мы добывали естественные корма. Кроме этого, на берегах совхоз соорудил два дорогостоящих котлована для полива, есть и сохранившиеся от безрассудной вспашки выпасные угодья, но на другой день меня пригласили в обком партии. Отстаиваю и там интересы совхоза и интересы журавлей и лебедей, а мне показывают визы на согласие руководителей высокопоставленных специалистов инспекций. Чего, мол, ты против науки хорохоришься?

— А почему бы вам не настоять на том, чтобы обсудить этот вопрос с общественностью вашего совхоза, с бывальными людьми? Они бы предложили другой, разумный вариант, но естественный заповедник, глядишь, отстояли бы.

Ранним весенним утром через открытую форточку моей городской квартиры я вдруг услышал журавлиные голоса «Прилетели», — затеплилась во мне радость. Вспомнилось детство, первый в моей жизни сенокос, первый журавлиный танец... Мне так захотелось «тряхнуть стариной» и вслед за журавлями, на попутном транспорте, добраться до родного села Пеньково, а там — рукой подать и до Широкого. Земляки подбросят.

Так я и сделал.

Полдня провел на берегу Широкого. Нашел тот бугорок, где стоял наш с отцом балагашек.

Нет, не та, совсем неузнаваемая, а вернее, оглушительно печальная местность. Там, где произрастали метровые травы голубых вязелий и сочной осоки, разукрашенные разноцветием, теперь сиротливо торчат одинокие пыльники да лебединки. Пытаюсь уловить прежний гомон непечислимых когда-то птиц, но услышал неистовый скрежет машины и буханье вгрызающихся в озерное дно экскаваторных ковшей. Сначала одни, а через час-другой пролетели молча табушки лебедей. Не задерживаясь, поспешно набрав высоту, «ушли» в сторону Тюменской области... А вот и журавли появились. Эти, наоборот, расшумелись. Увидев, что на исконное их место гнездования совершенно покушение, журавли вначале как-то всполошились, перемешались, «пошли» ввысь, где, выстроившись в косяк, покружив над озером, оглашая кликаньем родные места, пошли сначала на восток, но вскоре повернули резко на север. Их грустное курлыканье царяло душу.

Забыв про все, я с глубокой скорбью следил за полетом журавлиного косяка, пока не растворился он в необъятном

небесном просторе. «Прощайте, дорогие», — вырвалось у меня.

Прощай, утренней свежести мое детство, прощай, озеро Широкое, вместе с чудаческими, но с полезным умыслом придуманными легендами, которые как могли, так и хранили твои неоценимые сокровища.

Мне невольно вспомнились стихи поэта Евдокима Русакова:

Взяли песни,
Журавли с собою
Понесли в далекий перелет,
Грусть стоит
Над озером и лесом —
Грусть такая, —
Даже сердце рвет.

«Изумляет меня, почему люди обращают так мало внимания на птиц? Лишают себя такого множества тонких наслаждений, теряют столько прекрасных радостей».

Виталий БИАНКИ.

Журавлиные танцы

Они запомнились мне на всю жизнь. Вот уже и озера, излюбленного журавлями с незапамятных лет, не стало, и журавушки пятый год не прилетают, а танцы их до сих пор в моих глазах.

Когда вслух пожалеешь варварски уничтоженное человеком озеро Широкое, что за Большим Белым, и приспособлено под очередную золоотвал ТЭЦ-2, некоторые успокаивают — дескать, чего-чего, а озер в нашей области предостаточно, что рядом с Широким есть озера: Воровское, Черепково, Караболка, Пеньково.

Все верно, но для серых журавлей, обитающих в цангах краях вместе с лебедями, ни одно из соседних озер не пригодно.

Характерно, что серые журавли, хотя они водоплавающие гнездятся на земле и непременно рядом с открытой водой. В этом-то и уникальность бывшего озера Широкое.

На середине его было множество лабз и даже островков с березками, таловыми кустами и растительностью, пригодной для питания пернатых.

Второе преимущество озера Широкого в том, что до этих мест, до мест гнездования журавлей, а вместе с ним и лебедей, бывало, ни один охотник и даже заядлый браконьер ни разу не рискнул добраться и поживиться. Путь преграждали: непроходимые дебри на редкость высоких камышей заграждали сплошные лабзы и пняша — болотная топь.

Достаточно того, что в двадцати метрах от берега, если ты их все же одолел, видеть будешь только клоч небеса «в овчинку» и обступивший тебя, втянутого по грудь, в няшу, молчаливый, грозный и неуступчивый камыш.

И еще журавлям чем-то приглянулось прибрежное сенокосное угодье, с его стогами и копнами сена в северо-западной стороне озера.

Нигде, только здесь, в ранние влажные зорьки, они бесшумно слетались стаями и в приподнятом духе, то распластывая, то сжимая крылья, устраивали свои «догонялки», знакомства и распотешные танцы.

Зрелище это настолько экзотично, чарующее, что рассказать или описать его полной мерой невозможно, на него надо, укрывшись в потаенное место, и без малейшего шороха, затаив дыхание, смотреть и любоваться.

Когда мне было 12 лет, мы с отцом в этих местах вручную косили сено. Жили в балагане, крытом свежим аромат-

ным сеном. И как-то рано, на зорьке, отец разбудил меня и на ухо шепнул:

— Смотри вот в эту дырочку.

И я буквально впился в проделанное им отверстие, долго и с большим любопытством впервые смотрел на танцы журавлей. Они не просто танцевали, а друг перед другом, как бы похваляясь — кто лучше, придавали своему всеобщему танцу артистичность. У них все: ноги, крылья, шея включались в танец. Они приседали, высоко подпрыгивали, взаимно (видимо влюбленные пары) скручивали свои шеи, а некоторые, потанцевавшись, парочками, любуясь друг на друга, удалялись.

Отец, улыбаясь, сказал:

— Женятся, видать.

Через год мы из станицы Новопавловки в количестве десяти семей переехали жить к озеру Пеньково, что в километре от Широкого. Год от года население росло. Из хутора образовалось село.

Однажды я рассказал ребятам о журавлиных танцах и они загорелись желанием лично посмотреть.

Порядок на селе был в те годы такой: в субботу работали в поле только до обеда. Потом: лошадей—в табуны, дворы и улицы дружно подметали, вымоемся в бане, а после ужина у нас, у подростков, в распоряжении вся ночь!

А ночи летние короткие — заря с зарею сходятся. А мы расходимся по избам не раньше «вторых петухов». Чего только за ночь-то не перепробуем. Не буду греха таить: были и озорство, и пакости. Помню: однажды, потехи ради, от соседа к другому соседу бережно, без шума перетаскали и аккуратно заштабелевали бревна. Отчего на другой день вся деревня ухохоталась. А когда разобрался, то нам от отцов попало: кому шлепок в подзатыльник, а кому и покрепче. Особенно увлекались на бахчи городских неманов заглянуть хотя каждая наша семья в те годы выращивала свои арбузы и дыни.

Ну, а тут одну предвоскресную ночь мы и заметили: побыть на журавлиных танцах.

Бесшумно, как договорились, позарывались кто в стог, кто в копне сена. И только двое из девяти ребят не смогли одолеть ожидание, проспали, но кому удалось увидеть — были в неописуемом восторге.

Клуба в селе Пеньково тогда не было, но каждый погожий вечер ребята и девчата собирались к чьему-нибудь дому,

рассаживались на бревнах, под гармошку пели, танцевали, а те ребята, которые насмотревшись журавлиных танцев, часто чудили, раскинув руки или полы пиджаков (изображая крылья) подражали журавлям, пускались в пляс, втягивая в танец девчат.

В прошлое лето я попросил брата свозить меня на Широкое. Я увидел там грустную картину: от озера ничего не осталось. Как будто там его и не было.

Мощная современная техника сделала свое преступное перед природой дело. Там, где веками ликовала жизнь животного мира, лежит и стоит изуродованное дно, природой созданное для него водное место. Озера теперь нет и не будет во веки веков. Осталась только скорбь — тоска моя о нем и о журавушках.

Простите же нас, журавушки.

Не одни вы страдаете в наше смутное и безумное время.

ПЕРВАЯ ОХОТА

Все началось с маминого укора.

Хорошо помню, год был 1925, в одно из воскресений августа, когда вся ребятня нашего хутора шумно сражалась в лапту. Я же, вкопавшись в запашистую свеженакошенную траву на рыдванке, забыв все на свете, увлеченно дочитывал «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина. Вдруг ко мне подошла мама. Она осторожно погладила мою голову, заговорила:

— Вот гляжу на тебя, сынок, и все думаю, — отстанешь ты с этими книжками от своих ровесников. Вот Саня-то Вележанский какой стал — мужик мужиком. Он по воскресеньям, чуть свет — на охоте. Только что по улице прошел и как есть весь увешан утками. Да такой важный. Папирсой дымит. Люди, конечно, завидуют... А ведь он твой годыша. В одной купели вас крестили. И чего ты в грамоту вдарился... Даже пахать едешь — книжку с собой. Как же ты, сынок, ухитряешься: ходить за плугом и читать?

— Да нет, мама. За плугом хожу без книги, а когда кони насутся да сил набираются — я тут супец себе варю, отдыхаю и книжку почитываю. В калитке появился отец:

— О чем сходка? — спрашивает он.

— Да вот, старший-то наш, помещался на книжках. Никуда не ходит, от своих ровесников отстает.

— А по-моему наоборот. Чем больше читает, тем больше ума наберет, — сказал отец.

— Да ты по воскресеньям-то на охоту его спровадил бы. Польза для семьи была бы. Вон Санька Велижанский, небось обкорнил семью-то дичатиной. А мы без мяса.

— А что, верно. Берн «Японку» да в Моховушку. Там лысук уйма. Сами на мушку лезут. Берданка-то тяжелая, так ее на рогатину и пали с берега прямой наводкой.

Не знаю кто, или белые, или красные были вооружены ими, но после гражданской войны такой винтовкой нетрудно завладеть и сделать из нее берданку.

Тяжелая она была для моего возраста. Поэтому отец правильно подсказал: прихватить рогатину.

За неделю я, выкраивая время, вел подготовку к следующему воскресенью. Из куска свинца на сковородке накатал дробь. Под наблюдением отца, строго по меркам, зарядил двенадцать патронов, два из них в огороде выпалил в цель. Получилось неплохо.

К поясу приторочил шесть петель из шпагата для подвески добычи. И мысленно уже вообразил — иду по улице у всех хуторян на виду, увешан лысухами, и они поражены моим успехом...

В субботу вечером я встретился с Санькой. Рассказал ему о своих планах. Он сначала расхохотался, дескать твоей японской «фузеей» старух пугать, а не дичатину добывать.

— Я, к примеру, — сказал он, — своей двенадцатикалибровой «Тулкой» не всегда могу даже несчастного куропата поразить. Его надо бить против пера, иначе сожмется в кулак — дробь рикошетой в распыл, а он хоть бы хны. В охоте, брат, навык и сноровка потребны.

Вообще как мог с шуточками да прибауточками просветил меня. А вот с собой на охоту, на что я рассчитывал, не пригласил. Я понял — мешать буду в его охоте, поэтому не обиделся. К тому же, не имея опыта, немудрено оказаться осмеянным. А Саша по своему характеру любит похихикать над любой неудачей.

Нет, смех его не злобен, он простецкий, веселый и даже добрый, но все равно — лучше подальше от его шуток. Вот освоюсь, приобрету навык и сноровку, а тогда вместе поохотимся.

Ночь прошла в томительной дреме. Не спалось, мешали моему сну заботы — не проспять бы зорьку. Мешал и сплошной конский хруст да фыркание Гнедка у рыдванки, в которой, зарывшись в траву, я коротал эту ночь.

Гнедко почевал не в табуне, а дома, потому что мама утром должна ехать в город продавать овощи.

За село мы выехали вместе.

— Ты уж, сынок, не застрели себя-то. Поосторожничай, — сказала она,

— Да что я маленький, — сказал я и, скользя лощеными подошвами сапог, напрямик по ковыльному полю, проходя оглядываясь на розовеющий восток, зашагал к заветной Моховушке.

Тихий, прохладный рассвет шептал мне в уши: «Спешу, спешу». И я послушно спешил.

Первыми меня встретили чибисы. Ох, эти обманщики! Знаю их. В дни гнездования проведут вокруг пальца так, что гнезда их никак не найдешь. Разве только случайно наткнешься на три-четыре сереньких, конопатеньких яичка в незатейливой ямочке супесчанника.

Взобравшись на березу соседнего колка, я сразу же был очарован большим количеством дичи! У нее был активный завтрак. Старательнее всех других птиц действовали лысухи. Именно они, на этом маленьком плесе чувствовали себя полными хозяевами.

Определив себе удобную позицию, я, затаив дыхание, метров двести по-пластунски полз к ней, волоча с собой «Японку» и рогатину.

Обосновался лучше некуда. Лысухи на выгодном расстоянии, то и дело появляются в моем «поле обстрела», но я не спешу. Хочется послушать гомон, отдышаться, успокоить нахлынувшее волнение, а главное, как наказывал Санька, уловить на мушку лысуху. Пробую, но трясутся руки, да и лысухи не висят на месте, мелькнет одна да тут же и исчезает. А тут еще рогатину слабо заткнул — накренилась, а когда стал поправлять ее — дичь заметила и началась паническая шлепотня лысух, а утки да черныш вспорхнули и улетели. Потом долго я любовался на пустой плес и слушал обиды лысух — тив, тив, тив — за то, что помешал им закончить аппетитный завтрак.

Но голод не тетка. Лысухи, особенно молодые, то и дело выплывали на плес, а я схватываю на мушку их и палю. Но палю и палю, а добычи нет и нет. Заряды словно без дроби, пустые да и те как-то быстро кончились.

Я был в отчаянии. Вскочил, не подумав, заорал — отчего вся Моховушка взбудоражилась, заплескалась и тут же замерла.

Я возненавидел и отбросил чужеземную берданку, обессиленно упал в траву и по-детски занюхал.

Домой плелся по лесам — подальше от глаз людских, а во двор проник с задов. Никем в семье не замеченный я снова зарылся в траву и крепко уснул.

Проснулся от семейного гомона. С базара приехала мама. Ее встретили братишки с отцом и я подключился. И странно: никто меня не спросил об охоте. Как будто это был лично мой сон, и не явь, о которой вспомнить нет никакой охоты.

Распрягли Гнедка, вошли в избу. Мама, видать довольная своей торговлей, выкладывает на стол покупки.

— И еще вот покупочка, — сказала она, выложив две стопки по десять пачек паширос «Дубинушка». Да, да. В те годы с таким названием продавались дешевенькие паширосы. — Вот это тебе, отец, десять пачек, а это тебе, старшой, наш охотничек.

Я застыдился, убежал и до темна не возвращался домой.

А утром за завтраком отец улыбнулся и сказал:

— Чего загоревал-то? И я в первую охоту, помню, с пустыми руками домой пришел. Но, хотя бы одну лысуху-то мог бы?

— Да, — возразил я, — попробуй в лысину-то попасть.

— Чего, чего? Почему в лысину?

— Санька мне сказал, что лысух только в лысину стреляют.

Отец засмеялся:

— Да ты что, бестолковый что-ли? Да как ты поверил этому зубоскалу? Да ты хоть никому об этом. Засмеют. Врать нехорошо, но Саньке для пользы соври. Скажи, что шесть лысух подвалил. И всех в лысину. Пусть не косоротится, ша-лопай.

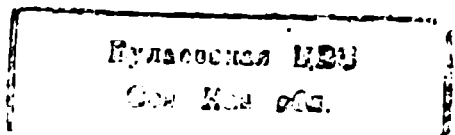
— Ты одно пойми: пшицу на плаву надо, через прорезь на мушку садить, а ты же поверху стрелял на целую четверть. Ветерком обдувал лысух-то. Ай, да чудо... Ну, шчего, первая охота — первый блин комом.

Врать я Саньке не стал о «добыче», а когда он спросил, как я поохотился и сколько лысух насшибал, то я ответил:

— Я же не спрашиваю тебя, по сколько ты ешибаешь.

Отвернулся, впервые запалил «Дубинушку» и решительно ушел.

1990 год.

ПРОЗРАЧНЫЕ БЕРЕЗЫ

Так назвала наши березы австралийская писательница Димфна Кьюсак.

Впрочем, по порядку.

12 августа 1961 года меня пригласили в обком партии и сказали, что к нам приехали австралийская писательница с мужем (журналистом) и переводчицей из Ленинграда. Цель приезда: знакомство с целиной, с людьми, нашим бытом и природой края. Сопроводить их поручили писателю Борису Петрову и автору этих строк. Днем мы должны были выезжать в совхозы, колхозы, а вечерами в новом помещении телецентра организовывать гостям широкий показ наших отечественных фильмов.

Тогда мы были приучены к дисциплине, да и отнекиваться от предстоящего знакомства с известной писательницей было бы с моей стороны неразумно. К тому же не впервые нам с Петровым приходилось сопровождать гостей: писателей из Алма-Аты, Москвы. Только что мы попрощались с украинскими литераторами—Василием Большаком, Миколой Руденко, Виктором Кочевским.

С произведениями миссис Кьюсак я был незнаком, а что, если вдруг она спросит: читал ли я ее книги? Я поспешил в библиотеку. Там выложили мне на стол две книги—«Скажи смерти «нет!» и «Жаркое лето в Берлине». И что же я смог за вечер прочесть? Всего-навсего несколько отрывков—«с пятого на десятое». Из рецензии узнал, это миссис Кьюсак—писатель на редкость плодовитый. Из-под ее пера вышло несколько пьес, повестей, рассказов и монументальных, широко известных романов. Она любит странствовать по миру, знает много языков. Я подумал, а что после Австралии она найдет в нашей простенькой природе?

На другой день рано утром возле гостиницы после взаимных улыбок и рукопожатий мы усадили гостей в восьмиместный «газик», и согласно маршруту отправились в совхоз «Чистовский».

Вопреки предположениям встретиться не только со знаменитой писательницей, но и, возможно, с крупной, волевой женщиной, перед нами предстала 59-летняя простенько одетая, подвижная, худенькая, улыбчивая миссис Кьюсак. И, наоборот, муж ее, Норман Фрихилл—человек крупный, но такой же по-дружески общительный.

После многодневных дождей установилась хорошая погода. День разворачивался теплый, солнечный. Легко дышалось. Миссис Кьюсак находилась рядом с водителем, но ей

никак не сиделось спокойно. Она с большим любопытством рассматривала наши пейзажи, восхищалась, что-то лепетала по-английски. А когда увидела впереди березовый колос, через переводчицу попросила остановить машину. Миссис Кьюсак с удивительной легкостью выпрыгнула на землю, счастливо улыбаясь, «перемахнула» через кювет и, подбежав к лесу, величественно вознесла вверх руки и в восторге что-то закричала.

Переводчица сказала:

—Миссис Кьюсак кричит березам: «Здравствуйте, дорогие красотки!»

Норман Фрихилл заспешил с фотоаппаратом и с различных ракурсов стал фотографировать ее, а она, ни секунды не отставаясь на месте, что-то продолжает радостно говорить.

Переводчица объясняет:

— Миссис Кьюсак в восторге. Она говорит о дивной красоте сибирских берез, она наслышалась и начиталась, но все это не то, что она видит наяву. Почему русский поэт Есенин прекрасно сказал о березах, что они зеленокосые, в юбочках белых и что они белоногие. Но как он не заметил, что березки еще и прозрачные? Полюбуйтесь, господа, они просвечивают, через них я вижу свежий простор до горизонта!

Миссис Кьюсак обнимает березу, целует, затем вторую, третью. А когда она увидела, что деревья щедро выбелили ее костюм, расхохоталась, сказала: «Норман, это подарок, это на память!».

Потом она, как бы оправдываясь, серьезно говорила:

—Пожалуйста, не удивляйтесь и не осуждайте меня. В Австралии природа богата, но у нее таких чистых, светлых, веселых деревьев нет. Наши деревья прекрасны, но они все темные, коричневые, серые и непрозрачные. Я правду говорю, Норман?

Норман соглашается.

—Мы ехали к вам через Англию,—говорит миссис Кьюсак,—и там нас очень пугали: Казахстан—это голая пустыня с кочевым народом, возьмите с собой сухарей, иначе умрете с голоду. Целина, мол, это пропаганда, а у вас мы видим прекрасные, божественные леса, хлебные поля и теплые жилища.

Вспоминая этот эпизод, столь похвальные слова человека с мировым именем о нашей вроде бы незамысловатой природе и особенно о березовых лесах, которые миссис Кьюсак назвала и божественными, и прозрачными, хочу сказать о том, что мы, живя среди них, свыкшись с ними, перестаем

замечать эту прелесть и красоту. Более того, мы абсолютно не заботимся об очистке лесов от непроходимого валежника, уничтожаем живые деревья на дрова. Целые рощи с оголенными вершинами в результате вымочек, пожаров, химобработки и активных выпасов скота годами стоят молчаливым укором. А сколько еще самовольных порубок, «незамеченных» лесоохраной...

С одним таким случаем порчи леса мы столкнулись и в нашей поездке.

Позже я узнал в лесхозе о размере нанесенного ущерба. Мне сообщили: «Даже в прежних размерах браконьер, если бы он был пойман, должен был уплатить штраф, плюс стоимость погубленных берез—7200 рублей». Но, к сожалению, браконьер оказался не пойманным, хотя живет он не иначе, как по соседству,—село-то в трехстах шагах!

Не снижается у нас и ежегодное число лесных пожаров во вине людей.

А жаль. Прозрачная и хрупкая красота требует к себе чуткого, божеского отношения.

ЛЕС — ЛЕГКИЕ ЗЕМЛИ

О ДОРОГОМ, когда оно истинно дорогое, говорят без надувной патетики. Когда мы говорим слово «Родина», невольно представляется березка в поле, озеро, над которым от ранней зари не умолкает птичий гомон, улица, на которой гайшественно шепчутся деревья. Пеньково и есть то село, с которого для меня лично и начинается Родина.

Давным-давно, еще в 20-е годы, первыми пришли сюда мои односельчане с мыслью переселить сюда из Новонавловки тех, кого изживал Ишим, подмывая песчаный берег.

Название озера Пеньково послали и ближайшие уголья — пеньковские пашни, пеньковские леса—говорили мужики.

Простая сибирская красота этих мест сама бесхитростно приветливо манила к себе переселенцев. Особенно соблазняла она тех, кто в этих местах имел свои исконные, пропитанные потом кормилицы—земли.

Дивные березовые леса вошли в мою жизнь навсегда, и его отсутствие даже временное, воспринимается как большая потеря. Особенно, если этот лес—лес твоей Родины, твоего детства.

Стояла сенокосная пора. В полдень мы заглянули с отцом к бахчевнику Суровцеву — старику лет семидесяти. Дышал зноем солнечный день. Дремотно сидел дед возле своего шалаша, следил за небольшим полем, на котором в пожух-

лой ботве, щедро разбрызгивая сентябрьские души. Долгие доспевали арбузы и дыни.

— Не место, а рай, кругом леса, земля — сущая, но плодородная, а в озере, гляди-ка сколько рыбы, — оживленно заговорил старик по фамилии Суровцев — житель города. Отец долго ходил по облюбованной пустоши, размахивая саженью, а мы со стариком еле успевали за ним и вколачивали колышки там, где велел отец. Старик был говорун, не унимался.

— Если твердо решил переселяться сюда, то и меня включи в список со старухой...

За зиму того года новонавловские мужики прокурили махрой не одну избу, пока десять дворов не решились на выезд.

Весной 1923 года началось «великое» переселение. Артели, как таковой, не было, но работали артельно, дружно. Да иначе нельзя было. Давали о себе знать только что пережитые годы первой мировой, гражданской войны. И через год на окаймленном лесами месте, окнами к озеру, вырос хутор, а через два — село. Деду Суровцеву как самому активному «открывателю», по его просьбе, отвели самый лучший возвышенный бугорок, на котором он построил избушку, а колок, возле которого он много лет выращивал дыни и арбузы, называли «Суровцев колок».

На всей улице были только два дома, рубленых из бревен, остальные — жердянки да саманки, крытые дерном.

Но как любовно эти избы всегда были побелены, их наличники покрашены, а перед окнами первые же годы в насаждениях зелели молодые тополя, березы, сирень.

Не знаю, была ли официальная договоренность или это вышло само по себе, но каждый житель Пенькова всегда имел запас метелок и подметал не только свой двор, но к выходному дню обязательно все дружно подметали свою улицу. И уж, конечно, без каких-либо распоряжений, шел, бывало, Никита Долгополов на свой двор, запрягал лошадь и вместе с сыном Колькой до позднего вечера собирал и вывозил за село наметенный в кучки мусор. Случись вечером из-за облачка выкатиться луна на нашу улицу — за любуешься. А как красиво Пеньково утром, на зорьке. Наступит выходной, управятся с хозяйственными делами люди, и тогда весь остаток дня не только дети и молодежь, но и люди более солидного возраста играли: кто в городки, кто в мяч, качались на качелях.

Вовсе не к тому пишу я об этом, чтобы укорить нынешних односельчан. Что и говорить, живут они намного лучше—у самих достаток, хозяйство богатое. В десятки раз стало больше скота, увеличилась посевная площадь. Во всем помогает человеку техника.

Посмотришь на сохранившийся рубленый дом первосельчанина Ефима Велижанского и удивишься. Ведь когда-то он был одним из крупных в селе, а теперь среди других, современных он самый невзрачный. Каждый житель стремится иметь дом из трех-четырёх комнат, кухни и с добротными придворными постройками. Телевизоры, холодильники, стиральные машины, газовые плиты—у каждого. Многие имеют собственные мотоциклы и легковые машины, а то и лошадей. Но только ли этим счастлив человек? Конечно, нет. Не даром в своих наказах депутатам местных Советов жители села Пеньково записали: построить клуб, озеленить село, «поднять» улицу, соорудить памятник павшим в боях за Родину землякам—38 из них не вернулись в родное село с фронта. И действительно, как же без всего этого жить? По-прежнему частенько заезжаю я в родное село. И не могу не упрекнуть кое-кого из односельчан. К примеру, дают наказ: «поднять улицу». А кто же, когда-то прекрасную проезжую часть сделал теперь сплошной канавой, с ее всеми ухабами и колдобинами?..

—Это еще что! Посмотрели бы вы, что тут было весной. Хорошо, хоть запретили проезд гусеничных тракторов по улице, — объясняют мне земляки, собравшись у крыльца конторы, а в это время молодой паренек на «Беларуси» с прицепом на предельной скорости промчался по улице с одного конца до другого, протянув густо клубящийся шлейф пыли. Дышите, милые.

Говорят, паренек в город поехал. Спрашивается, зачем же по улице, ведь рядом есть объездная дорога?

Или вопрос с озеленением. В основном село до сих пор украшают деревья, выращенные еще первожиителями. Правда, есть семьи, которые и теперь стремятся что-то посадить и вырастить возле своих домов. Но, к сожалению, далеко не все. Даже помещенные сельского Совета, типовая двухэтажная школа не озеленены. Парниковая теплица завхозом школы приспособлена под кладовку хозяйинвентаря. По многим дворам убеждаешься в том, что хозяева нового поколения с метлой не дружат. Вновь построенные двухквартирные совхозные дома сдаются не озелененными, а подчас и непобе-

ленными. Или вот, нынче был открыт новый магазин, возле которого сохнут воткнутые в землю саженцы.

Нельзя равнодушно смотреть на захламленность самого села. У многих жильцов почему-то укоренилась привычка: не вывозить навоз в поле для удобрения, а убирать куда кому вздумается... И надо прямо сказать, что тон всему этому задает коллектив животноводческой фермы совхоза.

Вот уже десять лет прошло, как исчезла роща деда Суворцева. Нет, не сама исчезла—в нее бульдозерами стали валить всякие жидкости фермы, в ней разгуливал скот.

В старину почти каждый колок имел свое название: «Бояневский лес», «Захарова роща», «Теплый колок», «Маслов колок», «Березовы запяски», «Чебукни бор», «Пашня Австрина», «Пашня Белова», в общем, большинство колок, а то и лесных массивов носили фамилии тех, чья была пашня по соседству. И они были удобными ориентирами людей. Бывало, скажет отец: «Езжайте за валежником в «Маслов колок», и тебе все ясно. Теперь пеньковцы, а вернее новое поколение хлеборобов порастеряли все названия.

Как-то на планерке директор совхоза (кстати названным «Рощинским») Алибек Салихович Салихов дает распоряжение бригадире: «Начать вспашку с того массива, где волки в прошлом году Карюху задрали?»

Не знаю, как бы он объяснил, если бы не оказалось несчастного случая с кобылицей?

Мне 80, но до сих пор я по несколько раз в году бываю в родном селе, брожу по лесам, запасаюсь грибами, ягодами, но вынужден признаться, возвращаюсь домой часто в подавленном настроении. Не могу смотреть равнодушно на захламленность лесов погибшими деревьями, свалками. По лесам и совхозным угольям без особого труда можно набрать многие десятки тонн металлолома, который так нужен стране! Многие колки из-за активного выпаса скота не шумят. Их вершины оголились, а сколько самовольных свалок навоза, строительного мусора?!

В прошлое лето побывал в «Теплом колке». С детства мы любили его за то, что на его влажных опушках много было дикого лука, под густым пологом березовых листьев, действительно было тепло и радостно от гомона птичьих напевов. Много было грибов подберезовиков. «Теплый колок»—это был первозданный уголок никем не тронутой природы. Увидел я и оторопел: все до неузнаваемости изменилось. Опушки безжалостно вытоптали горожане и скот. От непомерных

выпасов скота не стало того зеленого полога, исчезли певчие птицы. Я слышал единственный да и тот тоскующий голосок иволги. Остаются и пока не исчезают, а увеличиваются поголовья крикливых грачей да ворон.

Сороки, те перекочевали ближе к железной дороге, где зерко следят за проходящими пассажирскими поездами—ждут, не выбросит ли кто в окно объедки.

Остаются в живых пока птицы хитрого племени, а бесхитростные перепелки, рябчики, косачи, куропатки и многие певчие теперь встречаются в наших лесах крайне редко.

Спросил я как-то Алибека Салиховича, почему совхоз продолжает пасти скот в лесах, ответил:

—Поголовье растет, а выпасов не хватает. Сено приходится заготавливать на болотах Тюменской области, за многие сотни километров. Большая часть прежних выпасов уже все под пашней.

—Но ведь есть решение облисполкома, запрещающее в дальнейшем опашивать озера под самый урез воды, а леса — под корень, а вы не меняетесь.

—Решение хорошее, но в нем ни слова не сказано: за счет этого сократим посевную площадь. Так что за опашки меньше нас накажут, чем за самовольное сокращение посевного клина.

Вот таков «клин», вбитый в экологию целинной эпопеей, который никто теперь не решается вытащить да отбросить, а природа все ускоряет и ускоряет свой бег к неминуемой катастрофе. Природа мстит и жестоко!

Пока же утренние зори в родном селе остаются такими же, как и в моем детстве, и леса пока что, перенося все недуги, стоят, украшая нашу землю, и шумят наши белоногие березы как-то по-разному: то глухо, то потаенно, то гневно и даже грозно, то ласково лепечут, словно увлекают в заманчивые дали сказки.

Все мы бываем в лесу, даже очень любим в нем бывать, а вот по-настоящему не всегда знаем, как живет лес, особенно как велико его значение для современного человека, как нужны нам, людям двадцатого века, рощи и дубравы, боры и перелески.

Как никогда, лес в наши дни пуждается в бережном отношении человека к нему—хранителю нашего источника здоровья и благополучия.

Казаринская береза

Ее знали все пеньковцы. Много лет она стояла вдовушкой на отшибе, издали поглядывая на своих зеленоколых сестер, гостеприимно принимая под свой кров путников. Называли ее казаринской березой потому, что стояла она на бывшей пашне семьи Казариных из станиц Повопавловки. Берез березу хозяин, для него она служила и символом краесоты, и ориентиром в хлеборобских делах. Давно, еще в сороковых годах, лесники хотели даже соорудить беседку для людей под ее кроной. Но почему-то не соорудили. А теперь береза исчезла.

Казалось бы, что тут особенного? Подумаешь, одна береза. Тут целыми гектарами лес вырубают. Однако без этой красавицы все вокруг словно осиротело ведь произошло не что иное, как безрассудное надругательство над природой. И до сих пор в селе не знают, кто посмел уничтожить прекрасное дерево. Известно лишь одно: браконьер увез березу волоком, подцепив ствол к трактору К-700.

Оказывается, в последнее время с позволения работников лесной охраны вот таким манером срубают деревья, а затем по нескольку хлыстов связывают и тянут домой. Я уже писал о том, что наши леса буквально стонут от валежника. Много сухостоя в березовых колках. Так зачем же губить еще и здоровые деревья? Хозяева леса разводят руками: финплан валежником не выполнишь. А что ж сами сельчане? Они почему-то солидарны с начальством: валежник — дело сложное. Его надо собирать, потом на своем горбу выносить. А тут куда как проще: приволок к себе на подворье на тракторе, да вечерами потихоньку пили на дровишки. Самому проворно, и лесники довольны — сучков не оставил, хлопот меньше. Вот она, наша леность и вседозволенность!

А что это значит для природы? Кроме уничтожения здоровых деревьев, это еще и уничтоженная растительность на полосе траления шириной в 5-6 метров. На уроках в школе дети слышат прекрасные слова: «Улыбнулись сонные березы, распустили шелковые косы...» А в жизни они наблюдают совсем иное отношение к лесным богатствам. И кто знает, чье влияние скажется в конечном итоге сильнее.

В июле 1967 года мне довелось сопровождать нашего земляка, писателя Б. Н. Петрова и известную писательницу из Австралии Элен Димфну Кьюсак. Проезжая мимо первого же березового колка, она не могла сдержать восторга и попросила остановиться. Выйдя из машины, она стала что-то говорить по-английски, обняв березу, прижавшись к ней, стала целовать ее, продолжая восторженные восклицания. Переводчица объяснила нам, что миссис Кьюсак восхищена этими божественными созданиями, которые так чисты душой и телом, и что жаль — в Австралии нет таких деревьев. Мы мчались по шоссе в сторону совхоза «Чистовский», а мимо проплывали березовые колки, с которых писательница не сводила восхищенных глаз.

Теперь уместно задать такой вопрос: как бы писательница восприняла картину, когда тракторист, зацепив несколько стволов «божественных созданий», корежа на своем пути все, тащит их на подворье, где они потом, случается, валяют-

ся годами? Насмотревшись на такой вандализм, я обратился в областное управление лесного хозяйства и получил однозначный ответ:

— Мы не против такого траления, по крайней мере не остается сучьев.

— А как же лик земли?

— У земли свой хозяин—совхоз или колхоз.

На практике же выходит, что нет у нее хозяина. Хлебороб под корень опахивает лес, а хозяину леса позволительно травмировать совхозные угодья, дабы не возиться с сучьями. Два хозяина на одной земле, оба—плохие владельцы, с узководственными интересами. А ведь бывший хозяин пашни Казарин ни за что бы не позволил уничтожать гостеприимную березку, и более того—волоком тащить ее по земле, потому что за здоровье угодий отвечал он, хлебороб. За благополучие же лесов нес ответственность один-единственный лесник. А сегодня у березки столько хозяев, что ей нужны огромные усилия, чтобы выжить. Выживет ли?

ТЕПЛЫЙ КОЛОК

I

Мои детские и юношеские годы были тесно связаны с этим березовым колком. Вначале я его знал на расстоянии. Он находился в версте от нашей заимки. Среди других колков он выделялся прежде всего компактностью, за ним происходил закат солнца, от чего он становился темно-зеленым и спокойным даже в ветреную погоду. И еще, он был характерен тем, что издавал четкое «эхо». Бывало, вечерами, когда все пахари, окончив трудовой день, готовили ужин, отдыхали у костра, дядя Миша Колмыков, который страсть как любил забавляться с нами, ребятами, придумывал всякие игры—в городки, в лапту, в логу (в прятки в лесу). И вот он как-то на закате солнца, сделав свои ладони раструбом в сторону теплого колка, крикнул: «Э—гэ—гэ!» И вот это э—гэ—гэ, долетев до колка и, как бы побродив в лесу, тут же вернулось к нам.

Мы, дети, были озадачены. «Кто это?»—спрашиваем, а он отвечает: «Не знаю я. Кто-то сидит в лесу и передразнивает нас».

С тех пор мы на закате солнца сами—то в одиночку, то хором орали наши имена—«Гришка! Ванька!» И нас из «теплого колка» «передразнивали» те же детские голоса.

Днем взрослые пахали, сеяли, а перед нами задача: натаскать больше хворосту для костра, нарубить дров, под-

места в избушке и вокруг ее, а там, гуляя себе по лесам, находишь и ешь «от пуза» дикий лук, кислячку, пучки, саранки, солодку.

Бывало, в округе все леса обшарим, но чтобы зайти в Теплый колок—опаси Боже. Боялись. Нам казалось, что в нем кто-то живет, и непременно какая-нибудь Злыдня — «может людоеды, а то и ведьмы»—рассуждали мы.

За ужином мужики ежедневно заводили разговор о том, чтобы из родной станицы Новопавловки переселиться сюда — к озеру Пеньково — ближе к пашне. «Раздолье-то какое, красота дивная!»

Оно, конечно, на берегу Ишма все же веселее, да и город ближе, но и резона нет жить далеко от пашни. Ведь каждое лето хлеборобы неделями не живут дома, спят в дерновой избушке, на общих нарах, сколоченных из жердей и застеленных сеном или соломой. Спят, не раздеваясь, под тулупами. Изба освещается жировиком, в лучшем случае свечкой.

Двора на заимке не было. На ночь каждый пахарь привязывал своих коней к колоде с мешенкой.

В те годы—особенно в 1921-22 гг.—в наших краях процветало наглое конокрадство и невесть откуда было большое нашествие волков. Поэтому мужикам приходилось постоянно нести усиленную охрану лошадей. Так что пахарю приходилось день-деньской шагать за плугом, а ночь — в охране.

Отец наш больше всех агитировал переселиться ближе к пашне. Ведь у каждого будет свой двор, конюшни и другие удобства. Никто вроде бы не возражал, но подшучивали, а конкретно не решались.

— А главное, братцы — бабы наши под боком будут, — говорит один.

— Это верно. А то, небось с тоски-то тово...

— Э—э, моя не «тово». Я перед отъездом в долг пагайкой ее огрел и упредил.

— Вот, вот. За что огрел, она вот в этот вечер с другим ласкается.

— Нет, братцы. Что ни балабольте, а ущерб большой несем со всех сторон.

Пересезжать надо, — утверждал отец. — Вон на той возвышенности пустошь вольная. Заселим — благодать будет. Утром, позавтракав у самовара, плуг—на рогатину, сам—на отвал и через какие-то минуты ты у борозды. А дома-то пред окнами озеро, птица своя и дикая. Вечером мордушку в воду— утром свежий золотистый карась на сковородке.

Мужики чешут затылки, снова да ладом дискутируют:

—Я хош сегодня переселюсь, а как станца-то? Ведь осиротеет?

—Да кому теперь пужна станца?

—Ведь мы бояться стали называть себя казаками. Дамнасы спорили.

—Все, братцы, навоевались за батюшку царя и Гришку Распутина, мать их так—перетак!

—Теперь, братцы, надо в тишину забиваться вроде бы вои в Теплый колок и жить: «Ты меня не тронь, а я тебя не трону». Надоело всё!

Вот так два года казачки «поласкали» задумку о хуторской жизни и, наконец-то, в 1923 году истощенные, измотанные войнами, тифами да голодом десять семей—однолошадников окончательно решились переселиться к озеру Пеньково, к своим земельным наделам.

Помню как из города приехал к нам на фаэтоне, интеллигентно одетый лесничий. Всех мужиков он внимательно выслушал, записал: кому чего надо для постройки изб и подворий. Потом велел запрячь лошадей и ехать за ним принимать лесные деляны.

А деляны отводил так: подъезжаем всей арматой к колку, он и говорит:

—Семья Велижанских ко мне!... Вот так-то. Временно, до сентября месяца вот этот колок закрепляю, пользуйтесь—рубите себе колья, жерди. Весь валежник и сухостой ваши. Лес должен быть к сентябрю очищен, а вид его должен быть лучше, чем в данный момент. Поняли?

—Понял, господин лесничий.

—Не господин, а товарищ.

—Виноват, ваше сокоблагородие.

Все хохочут.

Нашей семье как раз и достался Теплый колок. Отец был доволен, но ты с братишкой, Ваней, приуныли. Никакого восторга. Отец это заметил, спросил:

—Что, не поглянулся?

—Темно в нем. Густой шибко—сказал я.

—Называется Теплым, а тут как в погребе,—добавил Ванюшка.

—Вот и хорошо,—сказал отец,—в прохладе работа спорится, а что густой, так это совсем хорошо. Будем прорезживать. Тут нам вдосталь будут и колья, и жерди.

Под густым зеленым пологом мы с Ваней долго, еле успевающая, ходили за отцом. Пахло груздями, хоть их еще не бы-

ло — не пришло время. Над вершинами деревьев, забывая голоса певчих птиц, нас все время преследовала и тревожно стрекотала сорока.

—Тять, а чего она привязалась?—спросил Ванюшка.

—Должность у нее такая —предупреждать всех диких животных о появлении чужаков.

—И волков?

—Всех. И волков, и зайцев, и птишек—все ее понимают и от испуга подай Бог всем волкам ноги, а птицам крылья.

Отец показывал нам: какие деревья годятся на колья, какие на жерди, как следует обрезать—не в ущерб колу, куда выносить и укладывать сучья.

—Так что мне строить,—сказал он, — а вам, поскольку вы уже немаленькие, обеспечивать меня строительным материалом. Лето, сами знаете, короткое, а нам ведь надо успеть построить: жердянку на всю семейную ораву двор обнести, сарай, да конюшни... Так что впрягайтесь, мужики. Да поможет нам родной наш Теплый колок!—громко воскликнул отец.

Мне казалось будет «эхо», но вместо этого всполошились и раскричались на всю округу птицы. Оказалось, что все они, от сорочьего предупреждения об опасном в затаенном молчании, отсиживались на вершинах деревьев и ждали: что же будет дальше с появлением в лесу непрошенных гостей.

Изучая как можно глубже Теплый колок, мы в западной части его как-то неожиданно вышли на залитую ярким солнцем полыхающую разноцветием опушку. В цветах гудом гудели, старательно трудились пчелы. Пахло медом.

—Вот это да!—воскликнул отец,—ишь где спряталась! Да мы, мужики, на этой опушке целый стог запашистого сена ежегодно будем накашивать. А вон и прогалина, по которой можно въехать и выехать.

—На противоположной стороне опушки мы обнаружили пизинку, наполненную водой, а в середине, заросший сочной травой и диким луком, древний обвалившийся колодец. Вода —чистейшая слеза, через ее прозрачность ясно просматриваются: дно колодца и резвящиеся в нем лягушки.

—Вот он где, водоной для всякого зверья,—сказал отец.

—А как ты узнал?—спросил Ванюшка.

—А вон видите: тропы и следы во все стороны.

—А чьи следы?—допытывался Ванюшка.—Что, волчьи следы тоже есть?

—Пить все хотят —и волки, и лисы, и барсуки, и даже птицы. Вон сколько их, расшумелись, боятся, как бы мы не украли у них этот водоной.

—А ведьмы тоже здесь пьют?—допытывается Ванюшка.

—Ведьмы только в сказках бывают.

—Ну да. А кто тогда передразнивал нас, когда мы кричали с нашей заимки?

—Это было вечернее эхо ваших же голосов. Голоса, как бы ударяются об колок, отскакивают, как мячики, быстро мчатся к вам.

—А почему от других колков не отскакивают?

—Не знаю,—сказал отец.—Но догадываюсь: другие колки обыкновенные, а наш необыкновенный—он моложе, гуще, теплее других.

II

МЕСТО, отведенное для заселения хуторян, отец называл «Пустырем». До сих пор не знаю, почему «Пустырь», если на нем буйно росли травы —голубая вязель, пырей, кашка, много разноцветий и, характерно, что эта «пустошь» была излюбленным местом перспелов и коростелей. Ох, и не давали же они нам отоспаться! Чуть за озерными лесами брызнет рассвет, как возле нашего шалаша и по всей пустоши начинается: «Пять телят, пять телят», «кыр-кыр-кыр», а следом просыпается озеро и начинается разноголосый гомон.

После того, как отец сделал затесы на березках, которые нужно было спилить для обрезаживания Теплого колка и личных нужд, мы с Ванюшкой, под наблюдением и подсказками отца, первый воз кольев заготовили и погрузили на дроги сами.

Отец похвалил нас, а на будущее показал, как с помощью «Архимедовых рычагов» и разных хитростей грузить нелегкие жерди.

Мне тогда было 12, Ванюшке 10 лет.

— Так что, мужики, за лето мы справимся. Будет у нас изба, двор плетнем обнесем и сарай для скота построим.

Это был конец нашего детства. Мы самостоятельно привозили на стройку колья и жерди, помогали их ошкуривать.

Теплый колок нам стал родным. Мы полюбили его за то, что в жаркие дни в нем было наше спасение—свежо, прохладно, легко дышится. Полюбили за гомон певчих птиц, за пересвист иволги, напоминающий звуки флейты. Но как бы мы ни сроднились с Теплым колком, нас с братишкой часто настораживала загадочная таинственность. Порой мы чувствовали себя козявками в этом большом лесу, в котором,

вдруг кто-то протарабанит, кто-то вякнет, глухо пробубнит «кокуш».

Без боязни не обходилось. Особую настороженность проявлял Ванюшка. Ему часто казалось, что в лесу «кто-то лазит».

—Слышишь, сучья хрустят?—испуганно говорил он.

Я же по долгу своего старшинства старался рассеять его боязнь, говорил ему:

—А ты меньше уши-то развешивай, дело делай. А к нам никакой зверюга не подступит!

—А ведьмы?

—Да какие ведьмы? Они только в сказках, а на свете их нет.

—Эх, Ванька, Ванька,—смеялся отец за ужином,—каждого куста боишься. Какой же ты казак сибирский? А вот скоро тебе одному придется за талом ездить, а мы тут вдвоем-то строительство ускорим. Думай драгун, а иначе, что о тебе подумают девчонки?

В то время звание казак пока еще звучало гордо—в этом сочетались: патриотизм, мужество и бесстрашие.

После такого разговора Ванюшка заметно храбрел. Не боялся он в одиночку удалиться в гущу леса, принести кол или собрать сучья и вынести их из леса и уложить на отведенное место отцом. Но продолжалось это не долго, пока вдруг таинственно не исчез наш узелок с хлебом и двумя огурцами, подвешенный под дрогами.

Этот случай нас ошеломил обонх. Ванюшка разрыдался:

—Вот, а вы говорите—никаких ведьмов. Айда скорее домой. Я боюсь!

—Да может узелок-то, в дороге еще отвязался и выпал,—успокаиваю его.

—Нет! Я видел его здесь!!

Довод был убедительный. А главное я не мог переносить Ванькин рев.

В этот раз домой мы вернулись порожняком.

Отцу это не понравилось:

—Ну и что за беда? Да может быть барсук подшутил. Жоркий зверь,—сказал он.

В тот день мы ошкуривали жерди. Отец сказал, что он поехал в аул к Исмаилу и скоро вернется.

III

ОТЕЦ вернулся к вечеру и не один, а с собакой на поводке.

Собака высокая, гладко белая и на удивление спокойная. В желтоватых глазах виднелась печаль и готовность подружиться с нами.

—Ну вот,— сказал отец, — приручайте.

Она вас всегда защитит от всяких «ведьм» и барсуков. Но-казахски зовут ее Ак, по-русски значит Белка.

Ак быстро вжилась в нашу семью. Первые дни она познавала: кто свой, а кто чужой, а изучив своих, одаряла лаской, а на чужих рычала и облаивала.

Нас в семье было трое мальчишек и одна сестренка. Все мы были по-настоящему влюблены в Белку. Но, пожалуй, больше всех она понравилась нашей маме за то, что она помогала ей находить грузди. Найдет груздь и тявкает. Было и такое: найдет мухомор или поганку и довольная лает.

—Только говорить не умеет, а все понимает, —говорила мама.

Не отставала Белка и от нас. Утром только возьмешься за дугу или за уздечку, Белка от радости начинает прыгать по двору, подбегает к бедному трудяге Гнедку, поровит лизнуть его в губы, а Гнедко мотает головой, и не понять—то ли он приветствует, то ли осуждает ее поцелуй.

И, пожалуй, не было дня у Белки без приключений. Благо в те годы в Пеньковских лесах было множество диких птиц —тетеревов, курупашек, которые с пугающим шумом, а иногда и криком вспархивали из-под ног. Очертя голову, Белка носится за ними, а когда они взлетали, то она, словно дитя, плачет, скулит, жалуется. Потом уставшая ложится под дрозд. Но были и у нее успехи —иногда она приносила нам настигнутого зайца, за что непременно получала вознаграждение в виде кусочка хлеба или вареную картошину.

В дороге в Теплый большой забавой ее было: устраивать отчаянный разгон сусликов. Она их обычно не брала, но страху нагоняла такого, что они еле успевали, мотнув хвостиком, исчезнуть в пору. Но однажды произошел трагический случай. Настигла она суслика, потерявшего в спешке хору, и он вступил в единоборство, а Белка прыгает над ним, забавляется, лает, скалит зубы, вот-вот схватит, но суслик изловчился и цапнул ее за верхнюю губу. Получился перелом.

Белка с визгом носится по полю, мотает головой, пытается избавиться от хищника, но тот, прокусив губу, был бы сам рад оторваться, но не может.

Мы с Ванюшкой спрыгнув с дрог, пустились на выручку, но попробуй ухватись за когтистого суслика, исцарапает. Долго мы пытались избавить Белку от беды. Били суслика кепками, ногами, а он болтался пока не порвал белкину губу и во всю прыть умчался от нас. Ошеломленная Белка жалобно скулила.

Мы знали, чем лечить раны. Мы тут же на обочине дороги нарвали подорожника и, выжимая из него сок, прикладывали к ее рваной губе.

Больше всех у Белки была привязанность к нашему младшему братишке Володе—будущему леснику, проработавшему в Пеньковских лесах 32 года. Был он толстяком («Кожемякой» в детстве прозывался). Любил покусочничать, охотно делился едой с ней. А однажды взял да учудил: древесным углем густо нарисовал Белке брови. Смех был на весь хутор. Над ней смеялись, а она молча удивлялась. Особенно она восхищалась детворе. Ее заставляли смотреться в зеркальце. Первое время она, увидя себя, недовольно лаяла, но потом привыкла и могла подолгу любоваться собой.

С Белкой мы в Теплом колке чувствовали себя в безопасности. Ванюшка работал без оглядки. Он один углублялся в лес, носил колья, очищал от сучьев лес.

Однажды неожиданно—негаданно к нам на своем красивом фаэтоне подъехал лесничий. Подошел к нам. Молча осмотрел нас с ног до головы, спросил:

—Чем занимаемся, оборванчики?

—Жерди пилим.

—Фамилия?

Я сказал. Он заглянул в блокнотик, сказал:

—Крикните отца.

—А он дома. Мы сами тут...

—Вот как. Вы одни?

—Одни.

А ну-ка показывайте, что вы тут у меня натворили?

Я повел его. Показываю.

—А где, пни, где сучья?

—Пней не видно. Мы их под самую землю оставляем, а сучья выносим из леса и вон там складываем.

Показали отцовские затесы на тех деревьях, которые подлежат срезать.

—Ну, что ж —сказал он,—молодцы, значит отец ваш дома? Он строит, а вы подвозите?—сел в фаэтон и уехал.

Мама потом сказала нам, что лесничий к ним заезжал и упрекал за то, что детей, дескать не жалеете, в непосильный труд впрягли. А как быть-то, ребятушки? Один-то он не может.

— Да ничего, мама. Построимся, а потом легче будет, — сказал я.

IV

ОДНАЖДЫ пришла к нам беда, после которой мы с Ванюшкой оба отказались от Теплого колка.

В сентябре мы уже жили в собственной избе — жердянке с глиняным полом, парами и русской печкой. Но дел впереди было еще много. Не достроен сарай, нет ворот, нужна была амбарушка под урожаем, да и уборочная приспела.

Время близилось к вечеру, отец говорит нам:

— Рана у меня турецкая заныла, ночью дождь будет, а у нас с вами на опушке Теплого колка оденок сена сиротест. Намочит — сгниет. Так вы быстренько съездите и заберите его. Сохранить надо.

Запрягли мы Гнедка. В огороде сорвали по большому подсолнуху и в сопровождении, как всегда, довольной Белки тронулись.

Мы, конечно, спешили, чтобы засветло обернуться, но у Гнедка своя традиционная «трусца» и большего из него не вышибешь.

Солнце было на закате, но когда мы въехали в лес, то почувствовали холодные объятия лесной ночи. Под рубахой по спине прошла неприятная дрожь.

Подъехали к оденку. Прислушались. Лес затаился, молчит. Где-то в глубине лесной глухомани послышалось ворчание — «кокуш, кокуш». Белка наша, как обычно, растворилась в лесу. Запахло лесной гнилью.

— Поедем домой, — сказал Ванюшка — Все равно дождя не будет. Тяте показалось.

— А ты не дрейфь. Будешь раскладывать и утаптывать, — сказал я и спустился с рыдванки. Потом стащил бастрок, расправил веревку — затяжку. Недошелканые подсолнухи подсунул под рыдванку и без передышки пошла наша спорая работа. Но когда от оденка оставалось сена уже немного, где-то в невидимом, но почти осязаемом небе сошлись и яростно сшиблись широкими лбами темные облака. Неяркая внешняя молния сиганула в лесную мглу, и первый трескучий гром чисто и по-хозяйски смело прокатился за Теплым «кокуш». Ванюшка не стерпел и завопил:

— Поедем скорее! Я боюсь!!

—Не ори! Трус несчастный!—прикрикнул я, а сам спешно подал ему бастрык. А когда забастрычили воз, я «нырнул» под рыдванку за подсолнухами, но, о Боже! Я увидел: оба подсолнуха начисто кем-то выщелканы и рядом с ними две кучки свежей лузги. От страха по моему телу промчались холодные муравьи. Не помню, как я оказался на возу и, как-то хрипло скомандовал:

—Гони!

—А вожжи где? Пошто не забросил?

—А ты слезь сам и забрось.

Поколебавшись, Ванюшка стал спускаться, но в это время, будь он не ладен лесной дьявол опять «кокуши» забубнил и тут же, уже совсем близко разверглась темнота неба, снова сгинула извилистая молния, а следом загрохотал гром.

Ванюшка сел и сквозь слезы говорит.

—А я боюсь.

Что, думаю, делать? Выщелканные кем-то подсолнухи не выходили из моей головы. Я куда больше Ванюшки теперь боюсь, но не признаюсь и не говорю ему о подсолнухах. Одно желание: как можно скорее выбраться из леса, из обволакивающей нас темноты. И тут выход нашелся.

Я взял вилы и ими прямо с воза заценил вожжи, лежащие на спине Гнедка, ухватился за них, и что есть мочи начал подгонять Гнедка.

—А подсолнухи?—спросил Ванюшка.

Я молчал, пока не выбрались на дорогу.

—Помолчи о подсолнухах!

Брызнул дождичек. Я подгоняю Гнедка.

—Их же за ночь выщелкают мыши.

—Уже выщелкали.

—А как это? Мы же рядом работали. Как они посмели? Да ни одна мышь не осмелится. Ты, наверное, в темноте не разглядел.

—Все разглядел. До одного семячка. И лузга рядом, в двух кучках.

Ванюшка испуганно заозирался, утвердительно сказал:—Это ведьма. Я же говорил—живут они тут! Я больше не поеду в Теплый колок!

Дома нас заждались, тем более, что нас постигли: темь, дождь, гроза. Мама, как всегда в таких случаях, «навалилась» на отца, упрекала за то, что он нас не жалеет, нагружает непосильным трудом: рано будит, не дает понежиться, отоспаться, отец защищался:

—Ничего, мать. Гни дерево пока оно молодое, а то поздно будет. Тунеядцы нарастут.

Как только мы заехали во двор, Ванюшка во всеуслышание заорал:

— Вот. Я же говорил! Ведьмы все наши семечки сожрали!!

— Ну, опять двадцать пять, — сказал отец.

— Не поеду я больше никогда в Теплый колок. Вот и все. За ужином я подробно рассказал о случившемся.

— Да это барсук наверняка, — сказал Володя.

— Сам ты барсук. Ведьма, а не барсук, — утвердительно сказал Ванюшка.

Отец сказал:

— В таких условия, когда люди работают, а рядом собака, ни барсук, ни другие животные пакостить не могут.

— А тогда кто? — спросил Ванюшка.

— Не знаю. Подумать надо.

На другой день все хуторяне знали о том, что в Теплом колке наши подсолнухи выщелкала ведьма.

Нам надоело об одном и том же рассказывать каждому встречному.

Потом пошли слухи о том, что сын кузнеца Гуменного Миронка, проезжая мимо Теплого колка, своими глазами видел, как эта самая ведьма показалась ему на краю леса, испугалась его и скрылась.

V

НЕСМОТРЯ на любую массу дел в воскресенье по прежней станичной традиции хуторяне не работали.

В субботу после обеда «генеральная» уборка дворов и преддворий. Обязательное мытье в бане. А вечером дружные посиделки собираются к кому-то на бревна или каждый придет со своей табуреткой или скамейкой, рассядутся мужики вон! «На посиделки».

И тут разворачивается большой разговор на темы: кто же что горазд — про погоду, про урожай, про стройку, про фронтовые походы, о предстоящих свадьбах.

И если это в поле, в августе, то каждый приходит с собственным подсолнухом. Вот уж полужгут — за всю трудовую неделю!

Взрослые парни и девки — те отдельно, подальше от всяких судов — пересудов родителей, а детвора, подростки, те вместе с собаками тянутся поближе к пожилым: тут есть чего им послушать, да «намотать себе на ус». Рассаживаются тут же на полянках.

Вот в один из таких вечеров наш Володя подновил Белке брови, держа ее за ошейник, пришел на такое сходбище. Увидя Белку, люди долго и от души хохотали и как только ее не называли: и кралей, и марухой, и барыней.

— Она у тебя, Володьша, не в дружбе с ведьмой?

— Ты, Володьша, шляпку на нее надень и кошну на шею.

— И в город на прогулку по тротуару.

И опять ха-ха да хо-хо.

А Белка, улеглась рядом с Володей и не придаст никакого значения.

И вот тут-то, у всех на глазах произошло чудо. Кто-то не иначе, как из-за уважения к Белке, отломил краюху от своего подсолнуха и подбросил ей.

Белка покосилась на подсолнух, подтянула его к себе и с большим мастерством, довольно быстро начала шелкать семечки, аккуратно складывая в одно место лузгу.

Люди ахнули. Вот она, оказывается, ваша ведьма! А потом и Миронка признался, что он наговорил про ведьму просто так, понарошки.

VI

В ПРОШЛОЕ лето, ровно через шестьдесят лет, мне довелось побывать в Теплом колке. И, честно признаюсь—лучше бы не сбылась моя долголетняя мечта. Мне грустно было смотреть на оголенные вершины многих берез до неузнаваемого поредевшего и уж совсем не Теплого колка.

Не сопит под ногами пахнувшая корнями земля. Она утрамбована выпасами совхозного скота. Много никому не нужного валежника и не слышно голосов певчих птиц, не пахнет груздями.

Единственное, что напомнило мне о прошлом, так это неоступный стрекот сороки. Кого теперь она настораживает о приближении человека, если лес опустел?

ОСТАНОВИТЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ ЛЕСОВ

КОГДА мы начинаем разговор о природе, то прежде всего думаем о лесе, хотя природа, в широком смысле—всесущее, весь мир в своем многообразии.

Однако лес для нас является самым близким в практической жизни. Лес—это вода, кислород и очиститель воздуха от углекислого газа, лес это и богатство и красота наша, он как бы закрывает собою амбразуру, через которую, современная гигантская промышленность ведет наступление на природную среду.

Нам всем известно из печати, какую тревогу специалистов вызывает в наши дни накопление в атмосфере углекислого

газа—продукта сгорания органического топлива. А это угроза климату, поскольку, оказывается, накопление газа заметно несет пагубное для всего живого, да и растительного на всей планете.

Однако, к нашему счастью, сохранившийся еще на планете лес продолжает защищать нас от избытка вредных газов. Известно, что только один гектар сосновых насаждений подобно огромному пылесосу извлекает из воздуха 36 тонн пыли ежегодно.

А как мы чувствуем себя прекрасно, легко и бодро, побывав денек в лесу. Известно так же, что одно дерево обогащает воздух таким количеством кислорода, которого достаточно для трех человек на целый год.

Все это говорит о том, что сохранность леса, его приумножение путем озеленений сел и городов, насаждение лесозащитных полос—задача всеобщая. И она за последние годы выполняется неплохо. Наши многие села год от года утопают в зелени, интенсивно озеленяется наш областной центр, вокруг которого создается и расширяется зеленое кольцо, отчего улучшается наш микроклимат.

Однако не изжиты, а в ряде мест усиливаются факты варварского отношения к нашим лесам. Их загрязняют непосредственно в лесу или рядом с прекрасными рощами устраивают свалки мусора, навоза.

Рядом с городом, так называемая Мещанская роща, исконная зона отдыха горожан, ныне стонет от свалок. Чего только не найдете в этом прекрасном березовом лесу, обогащенном руками лесоводов сосновыми насаждениями—тут и изношенные стиральные машины, битая посуда, разное тряпье и просто дворовый мусор.

Особенно количество свалок стало увеличиваться с момента отвода под личное садоводство площадей, прилегающих к роще с северной стороны. Получается так: едет садовод через рощу на свой участок и попутно прихватывает все ненужное для того, чтобы «спрятать» в лесу.

Мусор вывозят не только в багажниках легковых, но и на самосвалах. Осенью 1984 года областное общество охраны природы обследовало зеленое кольцо областного центра. Результаты плачевные. Даже в сосновых посадках обнаружено несколько свалок. В местах отдыха люди оставили после себя консервные банки, бумагу, битую стеклопосуду. Там же была обнаружена огромная куча бутылочного стекла, вывезенная не иначе как пивоваренным или ликеро-водочным

заводами. Но наши попытки установить виновных не увенчались успехом.

Безжалостно захламляются дачниками тополные рощи, возведенные трудом людей в пойме реки Ишим.

Районные газеты часто бьют тревогу о том, как люди некоторых сел, хозяйств небрежно относятся к лесу, не ценят его.

Совсем недавно село Байсал (отделение Токушинского совхоза) было окружено девственными лесами, богатыми ягодами и грибами, теперь же в них не растет даже трава. Все вытоптано скотом, завалено мусором, навозом. Посмотришь на вершины деревьев, а они в большинстве без листьев, засохли. В лесу не стало птиц.

Не одну свалку для хозяйственных отходов самовольно, без разрешения местных Советов, отвел «себе» спецхоз «Полудино», совхозы Новокаменский, Бишкульский, Роцинский и многие другие. Причем, захламляют большие площади плодородной земли.

А возьмите бывший грейдер из города в сторону Асаново — направо и налево вы увидите застарелые и свежие на снегу свалки, в основном строительного мусора.

Если так и дальше будет, то недалеко то время, когда трудно будет найти чистое местечко, чтобы отдохнуть на лоне природы.

Спрашивается: что у нас нет сил и средств, чтобы остановить процесс загрязнения наших лесов? Есть то и другое. Есть сельские и городские Советы народных депутатов, есть милиция, армия работников леса, члены общества охраны природы, которых в области насчитывается 170 тысяч, есть могучие средства пропаганды. К тому же пора настала в каждом коллективе на тему охраны окружающей среды систематически проводить беседы, а руководителям организаций установить строгий контроль за вывозкой отходов на официально отведенные места свалок.

Голубая вязель

С тех пор, как отец научил меня владеть косой, я уже самостоятельно сдирал «подкосить» коробок свежей травы на ночь коню. Я полюбил голубую вязель: ее и косить скоро, и животные ели с большой охотой.

Но годы шли и было заметно простым глазом, как она исчезала. А недавно я увидел ее в «Красной книге»... Бед-

паяжка, и ты «определилась», — подумал я. — Выходит, что из лика нашей истерзанной земли и ты уходишь от нас навсегда!

Детям своим во время «тихой охоты» по родным лесам я находил ее отпрыски и успел показать, а вот увидят ли ее наши внуки и тем более правнуки? Пожалуй, что не увидят.

В Энциклопедическом словаре сказано: в мире насчитывается 25 видов вязелей, в нашем же бывшем Союзе их 10, но мы, североказахстанцы, в основном знаем два вида — в пойме реки Ишим: желтоцветную, очень запашистую, цвет которой в старину заменял деревенским девушкам духи. Голубая же вязель, пахнущая медом, — прекрасный корм диких и домашних животных. Поэтому, вкус коровьего молока от голубой вязели люди всегда хвалили.

Эта вязель влаголюбивая и поэтому произрастает в лесной местности и на зеленых полях.

Мало, кто из петропавловцев не знает пригородные озера Большое Белое Малое Белое, Широкое, Воровское, Черепково, Пеньково. Эти озера богаты тростниковыми зарослями, что способствовало накоплению за зиму большого количества снегов, а когда наступит весна, то междуозерье (Черепково, Воровское, Широкое) — вплоть до так называемых «Татарских лесов» заливалось талыми водами, а напоив вдоволь землю — остаток воды уходил в берега озер. Широкие же просторы междуозерья покрывались завидным ковром вязели.

Однако, вязель росла не в одиночестве. Ей сопутствовали сочная осочка и множество цветов, что издавало неотразимое благоухание и привлекало рои диких пчел. Для них это был рай, а для косарей — дар господний. Косишь, косишь и вдруг срубаешь бугорок и перед твоими глазами: соты наполненные янтарным медом. Вот тут-то «Не зевай, Фомка!» — хватай соты и что есть силы и духу, отбиваясь вязелью от атак злобствующего пчелиного роя, убегай во всю прыть и затеряйся в камышах или в кустах, а уж тогда и наслаждайся дарами природы.

В этом междуозерье окружающая среда природы до тридцатых годов, а вернее до коллективизации, стойко сохранялась в своем первоначальном равновесии. Никто из людей до начала сенокосения здесь обычно не бывал. Пастись скот строго запрещалось. Деляны мужики отмеряли веревками — поровну всем. Каждый хозяин делянки вбивал колышки или ставил вешки. Косить же выезжали в немецкой

ный на сходке села день, но только после того, как мужики убеждались: стручки вязели уже лопаются и горошек залегает в плодородную почву — для будущего урожая.

Вернее, это была не почва, а легко ранимый слой мха, под которым залегал постоянно влажный и прохладный супесчаный беляк. Сдери, к примеру, мховый ковер — образуется пустыня. Хлеборобы это хорошо знали и поэтому ревностно берегли этот плодородный слой. Да и как не беречь, если веками хлеборобу не надо было ни пахать, ни сеять — природа сама справлялась и давала щедрые урожаи сена. Берегли, пока не было колхоза и строгих команд сверху: «Приступайте к севу», «Объявлено начало сенокосения», «Расширяйте целинный клин».

Бывало, еще только начало июня, а периодическая печать «кукарекает»: вот мол, «Бескамышенцы уже стога метают, а пеньковцы на лаврах почивают» Вот и гадай, что делать ждуть, когда «на ковер пригласят, да ижицу припишут», когда тебя снова и снова будут клевать в самое темя афоризмом великого ученого — «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача!».

Вот и получилось: после первого же укуса не отцветшей вязели она начала хиреть, исчезать. Значит и в этом случае, от природы ничего ждуть милости — под плуг ее! И начали пахать. Плодородный слой на сотнях гектаров — в пренебрежение, а не поверхность вывернули бесплодный беляк.

Теперь только воспоминания сохранились о тех, никем не сеяных, но богатых укусах, когда за высокими валками голубой вязели видны были только головы косарей, но когда косовицу и стогование заканчивали, то перед твоими глазами никем не писаная открывается панорама сотен стогов запашистого сена, от которого и молоко-то медом пахнет.

Теперь, бывая в тех местах, с горечью приходится смотреть на это пустынное междуозерье, по которому в разные стороны мчатся легковые машины грибников да ягодников. Все спешат, а за ними длинные шлейфы зловещей пыли.

Прости нас, голубая вязель, когда-то щедрая кормилица домашних и диких животных. Это мы, люди, извели тебя...

Десять лет назад совхоз «Роцинский» сделал серьезную попытку возродить междуозерные поля. Мощным взрывом, который обошелся совхозу почти в миллион прежних рублей, возле озера Широкого, основного бассейна полива, соорудил котлован, организовал интенсивный полив, но увы! Ни-

чего из этого не получилось. А теперь вот уже шестой год, как ТЭЦ-2 облюбовал Широкое под очередной залотвал и по существу уже уничтожено прекрасное озеро.

— Теперь не видать нам тех вязелий.

А чтобы плодородная почва снова образовалась, потребуются сотни, а возможно и тысяча лет, да и то, если ноги человеческой там не будет, — сказал пенсионер совхоза «Рошнинский» Егор Монсеевич Кочнев.

ХИТРЫЙ ЧИБИС

Мы часто пишем о лебедях, журавлях, а вот о таких мелких птичках, как чибис, умалчиваем, дескать, малопродуктивный кулик. Но можем ли мы относить лебедей и журавлей к продуктивным, если убийство журавля или лебедя испокон считается равно убийству человека?! Дело подсудное. А вот чибиса застрелить — пара пустяков. Он хотя и хитер, но подпускает близко и за него никакой ответственности. Вот и получается — чибиса, хотя и очень непродуктивного, настала пора занести в Красную книгу! О, сколько его было на наших озерах!

В прошлое лето мы с внуком решили совершить поход по моим родным местам. До Новоповловки троллейбусом, а от нее пешком до родного моему сердцу села Пеньково. И не по дороге, а вдоль берегов двух озер Кешкебиш, по травке, опьяняющей ароматом весны.

Мне очень хотелось показать внуку те места, где прошла моя юность, рассказать о птицах, которые здесь каждое лето находят свой приют, выводят свое потомство, а придет осень — снова в дальнюю дорогу, в теплые края — южные районы Европы, в Малую Азию, на берега Каспия, Нила, в Иран и даже в Африку.

Казалось бы, почему им в тех благодатных краях весной не остаться на лето? Ведь климатические условия благоприятны, в кормах недостатка нет. Но наступающая весна как бы будит птиц в пору перелета. Уму непостижимо — непреодолимый, могучий, как сама глобальная жизнь Вселенной зов влечет перелетных скитальцев на север, вот сюда на наши болота, озера, в кустарниковые заросли и березовые рощи, здесь они совершают великие таинства — размножения потомства, вскармливают его, учат летать, с высоты

видеть и запоминать родное место, чтобы в будущую весну вернуться сюда же.

Характерно, что журавли, лебеди, гуси, утки летят правильным строем, с вожаком впереди, но большинство птиц не признает дисциплины — прилетают в одиночку. Летят одни днем, другие ночью и, несомненно, огромное их количество гибнет в пути от непогоды, разбивается о телеграфные столбы, высоковольтные провода, гибнут в полете и на остановках от хищников и чаще всего попадают под выстрелы вездесущих охотников. Но ничто не может остановить пернатых. Вперед! Только вперед! К далекой любимой родине своих предков несут уцелевших неслабеющие крылья. Многие тысячи километров птички-невелички, весышки меньше двадцати, некоторые чуток больше граммов, в том числе и чибисы, безошибочно прилетают на свои места и радостно оглашают своим разнообразным пением, украшают своей красотой отдремавший за зиму наш благоговеющий край.

Обо всем этом экологическом равновесии птичьего царства я, насколько понимал, рассказывал, когда мы шли между двух озер.

— Ты, деда, обещал показать мне хитрых чибисов, а где они? — спросил внук.

Но они нам все еще не попадались. На воде где-то в камышах стоял гомон чаек, тивканье лысух на тенистых бережках, снова разноцветные пушинки-кулики метались и старательно добывали невесть какую пищу, а вот чибисов нет. Однако позже, в конце озера мы встретили две пары, которые, увидев нас, сразу же пошли на обман — самка еще далеко до нашего подхода покинула гнездо. Они очень убедительно имитируют свою тревогу за сохранность якобы своего гнезда, в котором по времени уже должен быть выводок.

Самка сидит, а хохлатый самец на своих широких тупых крыльях, словно самолет-истребитель, совершает чуть ли не головокружительные крутые то подъемы, то спуски.

— Деда, там гнездо, я посмотрю! — крикнул внук, а сам побежал к чибисам.

Долго я любовался знакомой мне с детства хитростью чибисов. Они, оглашая дол: «чыниш-вы, чыниш-вы», а сами все дальше и дальше перемещались, а внук все верил им, пока не убедился в хитроумном обмане.

— Вот, — говорю ему, — и вся хитрость чибисов.

Недалеко был табун дойных коров совхоза «Рощинский».

Пастуха с большим стажем я знаю давно — это Петр Кельбах — кавалер ордена Славы, спрашиваю:

— Куда делись чибисы?

— Скоро не только чибисов, но и куличков не будет, — гневно сказал он, Дачники с того берега, в основном молодежь, стреляют во что попало: в чаек, гагар, в авдошек не для мяса, конечно, а для забавы истребляют все живое! Боюсь — по моему табуны начнут охоту, а у меня, кроме кнута, ничего нет.

Прояснилась еще одна причина прогрессирующей гибели чибиса — это случайно выпавший снежок поздней весной. Когда он выпадает, то на белом фоне, на приличном расстоянии легко просматриваются в гнездах самки. Как бы они ни прижимались, (а прижиться надо — иначе все погибнет от холода), как бы самец ни старался отвлечь идущего человека — ничего не получится!

В прошлом в такие моменты родители запрещали нам даже показываться в местах гнездования чибиса. Говорили, что птицы летели к нам в такую даль, чтобы детей иметь, свое потомство сохранить. Как они вернутся одни без детей?

Так рассуждали малограмотные, а то и совсем неграмотные родители. Теперь же мы все грамотные и, очевидно, поэтому экономно расходует свое время для детей.

Так что, хитри не хитри, чибис, а жить тебе остается недолго...

Потомство наше будет любоваться тобой — хохлатиком только в Красной книге, если успеют записать тебя в нее.

1993 г.

ПЕНЬКОВСКИЕ ЗОРИ

Много лет замечаю: у большинства выходцев из села где-то глубоко в душе их живут и тоска и вина за то, что исчезли их родные деревни или покинули они их сами.

Не обошла судьба и меня. Но все же я оказался счастливым: все других: деревенька моя сохранилась, живет, расширяется и с каждым годом добрее, а это радует и роднит.

Прошло 62 года, как мне вместе с дружками юности, суждено было, не без боли, оторвать свою пуповину от родной земли, — Новопавловской станицы, которую мы с отцом в 1923 году первыми покинули основав село Пеньково, где пос-

троили жердянку, казалось навечно, осели на земельном уделе моих дедов и прадедов, но до сих пор я не прерываю связи с родной деревенькой, у которой за все эти годы жизнь была густо перемешана и печальным и забавным. В годы коллективизации основная часть молодежи, волей навязанной судьбы, пошла на распыл: кто на курсы, а кто, отслужив в армии, в село не вернулся. Не стало многих семей. Слезно оплакивая свои плетни, жердянки, родные гнездовья, пашни, дивные березовые рощи, благодатные озера, Бог весть куда поухали. Некоторые, в каких бы «райских» местах ни побывали, но в моменты политических затмиений, возвращались: наскоро заново строили себе насыпные и деревянные избышки, заново начинали жить, от зари до зари трудились на родных пашнях. Но не успели снова обжиться, нагрянул новый, более страшный политический обвал, охота на врагов народа. Как-то в 1938 году примчалась машина «Пикап» по чьему-то доносу, собрала с полей 8 мужиков за участие в «троцкистско-зиновьевском блоке», увезли и с концом.

Семья этих «врагов народа» — от позора — кто куда. А те, кто замешкался с возвращением в Пеньково, испугались — не вернулись.

Молодежь в селе вообще не задерживалась. Разъехались кто куда. Знаю, у многих была первая любовь, но она невольно растаяла. И все же в селе немногие, на удивление, оказались твердокаменные — цепко держались за землю, за родное село. Жили на охвостьях, заработанных на трудови, да на картошке с собственного огорода, не сорвались с места — выстояли! Это Долгополовы, Кузнецовы, Кольцовы, Кочневы, Нетесовы, Бояновы, Ромазановы, Рогозины, Исмаиловы и другие.

Даже держались за деревеньку тогда, когда ее штормом швыряло в разные стороны: то, не спрашивая жителей, припишут к откормосовхозу «Белое», то к Березовскому, то к Токушинскому — да так вот пять раз! Каждый новый хозяин норовил чем-то поживиться на пеньковских угодьях, где живностью, где земелькой. Например, Токушинский совхоз в досталь имел своих угодий, но используя власть, отхватил у пеньковцев 2600 гектаров земли, а вернуть не поспешил. Теперь новый обвал: немало земельных угодий отхватил город под дачи горожанам и привилегированным господам под их сказочные терема-коттеджи. Кстати, о коттеджах. К ним, не считаясь с большим расстоянием и расходами из городского бюджета, под неустанным контролем городских властей со-

ружается теплотрасса, а вот пеньковцы (совхоз «Роцинский») несколько раз обращались к городу — продлить за их счет теплотрассу от села Белое или свинокомплекса, так отказы были категоричные — не хватает мощностей ТЭЦ-2, труб, нет подрядчиков. А ведь роцинцам обидно, они со всей преданностью стараются обеспечить город овощами, молоком, мясом.

Они не против того, чтобы в коттеджах людям тоже жилось тепло, но к ним должно быть внимание. Пеньковцам до горечи обидно, что с лица земли напрочь, подневольно как переспективные, сносятся села, бригады, Черепково, Софонково, Октябрь, а Березовка (Нойслебен) — богатейшее село и само Пеньково стояли на очереди сноса.

Сносить долго не сносили, а первые людей расшатывали, веру в светлое будущее люди теряли, жили при страхе, трудилась ни шатко ни валко, углублялось запустение сел, что Пеньково, то и Березовка. Все равно мол, сносить. Слава Аллаху — пронесло! Нашлась умная голова — в этих селах создали совхоз. И поскольку на угодьях всюду березовые леса, совхоз назвали «Роцинский».

С тех пор прошло не так уж много — всего 15 лет, а люди обрели покой, уверенность, и как все изменилось!

Село численно выросло, неузнаваемо изменилось. Всякие жердянки и плетеные насыпушки и в шутку названные сборно-щелевые, стали музейной редкостью, они сиротски кое-где еще притаились перед вытеснением их добротными кирпичными и деревянными домами с тремя, четырьмя комнатами, с центральным отоплением от собственных мощных кочегарок на центральной усадьбе в Пеньково и на отделении в Березовке. Люди уже не мыслят, как бы они обходились без газа, электричества, радио и телевидения. На днях председатель рабочего комитета Валентина Васильевна Васильева рассказала мне, как в этом году реставрировали и отлично подготовили к зиме ранее запущенный клуб в Березовке, а на центральной усадьбе всякий горожанин не сможет скрыть своего восхищения, побывав в Доме культуры, в котором размещена библиотека с приличным книжным фондом. А вообще-то в Пеньково три библиотеки, есть еще школьная а также личная, но для всех доступная — Анисинская, известного и в области и в республике книголюба Николая Петровича Анисина, у которого книжный фонд насчитывает 6500 томов. Постоянно увеличивается число семей, имеющих собственные

книги, а ведь в двадцатых и тридцатых годах, пристрастившись к книгам, я мог их добывать только в городе, у друзей своего отца.

Дом культуры привлекает не только внутренним оформлением в современном вкусе, но и содержанием культурного обслуживания людей. Кроме показа кино, действуют: хор, казахская вокальная группа, фольклор пенсионеров, клуб «Родничок».

За последние два года совхоз провел большую работу по благоустройству улиц, производственных объектов, как в Пеньково, так и в Березовке завершено асфальтирование улиц, животноводческих ферм и других производственных площадок.

— Теперь наши доярки в любую погоду ходят на дойку не в резиновых сапогах, как это было еще весной, а в туфельках да в кроссовках, — с юмором, но справедливо и не без гордости говорят пеньковцы. Взять, например, помещения животноводческого комплекса, здесь есть все условия, о которых в прошлом и не мечталось — действуют: душевая, сауна, физиокабинет, санпропускник, гардеробная, комната отдыха, красный уголок — ну прямо истинный профилакторий.

Создав благополучные условия труда для животноводов, повысив заработок, совхоз избавился от постоянной нужды в кадрах. Сейчас на каждое освободившееся место есть резерв желающих. Охотнее включается в труд молодежь.

Прогрессивные изменения условий труда, быта заметно двинули экономику вперед. Совхоз приобрел свои мельницу, маслобойку, к Новому году будет запущен в дело колбасный цех. В прошлом по вине могучего соседа ТЭЦ-2 соседнее с селом озеро Пеньково высохло, но теперь совместными усилиями оно заполнено водой, оживилось дикой, домашней птицей, гнездятся лебеди, появляется рыба, плавают на плоскодонках рыбаки.

В Пеньково есть медпункт, аптека, в прошлом году по инициативе учителя Марии Петровны Кислевой был с помощью жителей села при средней школе ученический открыт совхозный музей. Помогли чем могли пенсионеры — бывший учитель Николай Каллистратович Сазонов, книголюб Николай Анисин, не стерпел, подключился и я — первожитель села, а также ученики средней школы. В селе имеются два магазина промышленных и продовольственных товаров, есть и столовая.

Не знаю, прав я или нет, но когда-то жизнь наших людей по-настоящему улучшится, и я заранесе предполагаю на противоположном берегу заново восстановленного озера в молодой роще, на песчаной почве, с уютными солнечными, в цветах и сочной зелени опушками непременно будет в стиле времени выстроен прекрасный Пеньковский профилакторий для людей моего села. Там, переплыв на лодках, люди будут проводить культурный отдых, наслаждаться природой.

Но над улучшением природной среды, лично на мой взгляд, пеньковцам надо много и серьезно поработать. В роще много валежника, сухостойных деревьев. Роща также нуждается в посадке культурных деревьев — сосны, боярышника, черемухи, дички, возможно и ягодных. Земля плодородная, солнце от зари до зари освещает ее. Там же есть выгодные опушки, где успешно можно выращивать для профилактория да и для совхозной столовой овощи. Вода рядом.

Прошло много лет, но в памяти сохранились добрые дела. Наш хутор насчитывал всего-то 10 дворов. «Съехались бишара голопузая», — смеялись мы сами над собой. Все были однолошадники. В годы гражданской войны, страшной засухи в 1921 году все мы ходили в заплатах, полубосые, но достаточно было 2—3-х лет, как мы все жили в достатке. Нас выручили лесной валежник, который мы превращали в дрова и продавали городу, рыба из озер Пеньково и Кешкебиша (коробами возили золотистого карася на базар) и особенно бахчи — прекрасные арбузы и дыни. В усмешку мы говорили: в город короб арбузов, а из города домой — полкороба денег. Соседнее со дворами озеро позволяло каждой семье выращивать почти без расходов табуны гусей и уток. Огромное преимущество хуторской жизни — пашня, сенокосы — все рядом.

Одеваться мы стали по-городскому и исправно, весело отмечали все праздники. Плясали уж не под заслонку, а под вятские благозвучные гармошки.

По случаю первого новорожденного на этом хуторе — моего братишки Митюхи, на общем сходе было решено: престольным праздником считать Дмитрев день.

Летом трудились от зари до зари, но зато зимой жилось вольготно.

Все эти удобства и блага хуторской жизни соблазнили многих и через 2—3 года население утроилось за счет переселенцев из Новопавловки и кочевого аула Исмаила.

Ну, а теперь это большое село — 250 семей, село многонациональное — русских 745 чел., казахов — 327 чел., — немцев — 96 чел., украинцев — 79, татар 38, белорусов 24, эстонцев 12, есть поляки, ингуши, башкиры. Всего 11 национальностей. И живут они все дружной семьей, что и радует меня, непосредственного участника рождения этого села, в котором прошли мое детство и юность.

Я бы чего-то недосказал, если бы не промолвил словечко о роли руководства в благоустройстве своих сел, улучшении быта людей. Вижу, им в этой суматошной жизненной колесеверти сейчас нелегко. Бешеный рост цен, трудности с лесоматериалами, запасными частями, горючим — ну, за что ни хватись — тупик! И тем не менее люди, на которых возложена нелегкая поща, под руководством энергичного директора совхоза Владимира Михайловича Митянина, успешно ведут свое многоотраслевое хозяйство, глубоко проникнуты заботой об улучшении быта людей.

Бывая в своем селе, я непременно встречаюсь с ветеранами войны и труда, и признаюсь, эту статью я пишу по их подсказке, они дали совет: похвали, дескать, наше руководство за его старание. Один из них образно сказал: «Что директор, то и его сподручные, мужики с заглядом: меньше политики, больше дела на пользу».

Здесь, на этой земле много лет назад в поте копошились с деревянной сохой мои прапрадеды, с однолемешным плугом — деды, мой отец, да мне довелось от зари до зари ходить за плугом, сеять зерна из локошка, полоть вручную, вязать снопы, ставить суслоны, молотить цепами.

И ничего для меня не было краше, как летние утренние зори. Я и до сих пор как-то убежден в том, что село в нашей области первым встречает восход солнца.

1992 год.

НЭП В МОЕЙ ПАМЯТИ

Мне было двенадцать лет, когда началась реализация новой экономической политики. До этого, начиная с 1920 года, люди «пожинали» плоды многолетних войн, первой империалистической, гражданской, с десантами Антанты. Мужское население не производило материальных благ — все было под винтовкой. Страна наша истощала, а хлеб понадобился всем: Москве, Петрограду, голодному Поволжью. В период «военно-

го коммунизма» продрозверстки, как и всюду, в нашем селе очищали хлебные сусеки под метлу.

Стремительно просекались зловещие зубы голода. На голодных людей незамедлительно нахлынули ранее невиданные болезни: тиф, лихоманка (малярия), красная сыпь. Используя недовольство крестьян продрозверстками, офицерству, притаившемуся после разгрома Колчака, в феврале 1921 года удалось поднять крестьянский мятеж. Значит, еще одна беда добавилась. В апреле того же года нахлынул нещадный джукт (гололевица), уничтожив почти весь рогатый скот. Особенно у кочевых казахов, не имеющих крытых помещений. А лето выдалось такое, что от весны до августа ни одной тучки. Не успели позеленеть поля, как солнце их выжгло, зерна хлеба не дали ростков. Не оказалось даже картошки. Люди металась в поисках пищи. Все лучшее везли в Сухотино, где был урожай. Вещи, коней меняли на пшеницу, пшено, овес. В озерах драли «мучку» (рогозу) для себя, а для корма скоту косили камыш, драли мох, рубили ветки деревьев.

Дождавшись осенних заморозков, заббили весь скот на мясо, оставив по одной лошади и одной корове.

Зимовали впроголодь, без надежды на улучшение. Но весной 1922 года радостное событие: государство выделило нашему селу немного проса и семянную ссуду для посева. А главное, что еще больше оживило людей, — решение правительства о введении НЭПа. Разверстка была заменена продпалогом.

Людям разъяснялось — вместо изъятия излишков хлеба в государственную собственность отныне крестьянин сам хозяин своим излишкам, продать он их может по своему усмотрению или на рынке, или государству по рыночной цене.

Были призывы: объединяться в артели по совместной обработке земли.

В том году мы — 10 семей однолошадников — объединились и на нынешних угодьях совхоза «Роцинский» засеяли клнн из расчета по 3 десятины на семью.

Урожай выдался. Люди обеспечили себя хлебом, запасли семена, некоторые излишки продали государству по рыночным ценам.

Насколько помню, никаких давлений, команд сверху мы не чувствовали. И вообще за годы существования НЭП никаких уполномоченных мы не видали.

В лето 1923 года все десять дворов, «держась друг за друга», покинули свою станцию Новопавловку, выехали на постоянное место жительства — хутор Пеньково. А в следующем году к нам подселились восемь семей казахов из кочевого аула Исманла. Жизнь их тоже была скудной, но лошади у них были, они в трудные дни выручали нас тяглом, а некоторые и сами пристрастились к хлеборобству.

Плодородные земли, сочные травы, озеро, наполненное рыбой, водоплавающей птицей, богатые зверьем леса — все это при свободном вдохновенном труде, напряженном, конечно, особенно летом, способствовало быстрому улучшению жизни крестьян. Например, в нашем селе к 1924 году заменили серпы и косы на конные жатки-лобогрейки и сенокосилки «Мак-Кормик», скрипучие телеги на деревянном ходу заменили на «железный ход». Семьи обзавелись скотом, птицей.

А главное, думаю, в успехе то, что никто не подавлял личную инициативу людей.

Как-то слух дошел до нашего села о том, что в селе Бугровом Иван Семенович Нетесов приобрел колесный трактор «Фордзон», обработал им 60 десятин и вырастил невиданно богатый урожай. Тогда пеньковские мужики тут же заседлали своих коней и аллюром туда. Посмотрели, что за чудо, а потом заговоривали: как бы нам на два-три двора скопиться да тоже купить стального «коня». Очень верили, что в недалеком будущем мечта такая осуществится.

Не помню, кто из пеньковцев в 1924 году имел молотилку, но выручала она все село. До нее мы молотили хлеб цепями, зубчатым катком, копытами коней. А тут — облегчение. Людей это радовало.

Был такой случай. Зимой в 1924 году отец говорит мне: «Вот, живем-то мы теперь в достатке, а что не хватает в деревне? Музыки не хватает. Давай купим гармонь».

— А деньги? — спрашиваю.

— А у нас пшенички излишек. Продадим элеватору и купим.

Я, конечно, обрадовался. Нагрузили мы с ним шесть мешков зерна и на элеватор. А там обозами повезли зерна: соколовцы, вагулинцы, бишкульцы — одним словом, отовсюду, а приемщики виновато разводят руками, все, дескать, емкости заполнены, принимать некуда.

Приехали мы на базар, а там тоже много подвод с хлебом. До вечера мы с отцом продали всего-навсего 3 пуда по

60 копеек — на 1 рубль 80 копеек, а на гармонию пужно 40 рублей!

Пока я торговал, отец обошел все соседние базары: сепной, дровяной, овощной, барахолку. Изучив, что называется, конъюнктуру рынка, сказал: «Выгоднее торгаться нам дровами, нежели хлебом, 3—4 рубля — коробок. Десяток коробков и гармонь будет наша! А сухостоя да валежника в лесах много. Да и город рядом».

В годы НЭПа особенно активизировались деловые, предприимчивые люди города: торговцы, кустари, кузнецы, частные и кооперативные колбасники, пекари, шорники, пимокаты, портные, пивовары, мыловары, кожевники. В полную нагрузку заработали маслобойки, просорушки. Известны были мельницы Полякова, Мазасева, Муратова, водяная — на реке Ишим, замахали крыльями ветряные мельницы в селах. В магазинах появились конфеты местного производства «Раковая шейка», «Гусиные лапки» и разнообразные хлебные выпечки предпринимателей Давыдова и Тенигина.

Вокруг базаров было множество ларьков, харчевен, фирменных столовок, блинных, пельменных, пирожковых.

Шла бойкая конкурентная борьба за привлечение покупателя, а покупатель, естественно, шел к тому, у кого вкуснее да подешевле.

Хорошо помню, например, чесночная колбаса стоила 20 копеек фунт (400 граммов), копченая — 30. Так что, продав коробок дров (0,5 кубометра), можно было купить килограммов шесть-семь чесночной или пять-шесть копченой колбасы.

Вкусовые качества нынешних колбас и хлебных выпечек не имеют никакого сравнения с теми. Хорошие рецепты нынешние колбасники и пекари, видать, порастеряли.

Тогда высоко котировались кондитерские изделия кооператива вдовы Папфиловой, монаховские и стромовские пышные буханки белого хлеба с наливкой.

Деловые люди города имели широкие связи с селами и аулами. То и дело появлялись закупщики скота, кож, овчин, сельхозпродуктов, рыбы и даже раков для своих пивнушек. В зимнюю пору тюменцы обозами на санях-розвальнях везли в город клюкву, рыбу, зерно, птицу, конопляное и льняное масло, самотканые льняные изделия. Бойкую торговлю развернули китайцы, которых в те годы (до событий на КВЖД) в нашей области проживало много.

Однако годы НЭПа имели и свои отрицательные стороны. Отсутствие контроля и регулирования рыночных цен быстро привело к появлению беззастенчивых дельцов, всякого рода шулеров, которые действовали по принципу: «Что хочу, то и ворочу». Слова появилась эксплуатация человека человеком. В торговле участилось мошенничество. Приведу пример. Новопавловская кооперация закупила в городе десятка два мужских сапог, у которых подошвы оказались... из пресованного картона.

Но на размах предпринимательства в целом подобные эксцессы заметного влияния не оказывали. В городе, словно грибы, росли кустарные мастерские по шорным делам, изготовлению бричек, телег, ходков, саней, оснастки для упряжки, сапожные мастерские, жестяных изделий. Расширилась сеть торговых точек, столовых, закусовых.

В 1928 году мы услышали серьезные обвинения, прежде всего крестьян, которые якобы в условиях НЭПа начали превращаться в кулачество, и, обладая большими запасами хлеба, отказываются продавать его государству по ценам, определяемым правительством. Кулачество-де терроризирует середняков и бедняков, продавших излишки хлеба государству, а кулаки всячески пытаются ослабить и подорвать колхозное строительство, на каждом шагу вредят тем, кто вступил в колхоз, поджигают хлебные ссыпные пункты, убивают из-за угла партийных и советских работников в деревне. Что здесь правда, что нет, мне по малолетству судить трудно. Я ведь вспоминаю свои личные впечатления.

Однако исходя из этих обвинений, Сталин объявил вынужденную сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса. К сожалению, вышло так, что многое хорошее, что складывалось веками в сельском хозяйстве, было забыто. Наша семья, в которой росло пять братьев — потенциальных хлеборобов — и одна сестра, в 1929 году вынуждена была покинуть свое село, своих близких, которых мы так любили!

Современные поколения должны увидеть прошлое во всем своеобразии цветов, оттенков, а не только в черно-белом изображении, как практиковалось раньше. Так я понимаю нынешнюю политику и полностью ее поддерживаю. Пусть выбор делают люди.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ОЗЕРА

В 1923 году на берегу озера Пеньково выросло село, ныне центральная усадьба совхоза «Рошинский». Чистое с песчаным дном озеро было богато карасем. Местные жители утверждали, что вкуснее рыбы, чем в их озере, они не знали. С весны и до глубокой осени над водоемом стоял птичий гам. Здесь много было диких уток, гусей, чаек, каждое утро к воде тянулись большие табуны домашних уток и гусей.

Более десяти лет назад озеро высохло. И только на самом глубоком месте, далеко от села, осталась небольшая лужина воды. Для Пенькова оказалась губительной плотина, которую многоуважаемые строители ТЭЦ-2 соорудили вокруг озера Белого, не согласовав с законами экологии.

Весенние воды, идущие из лесов в Белое, не стали попадать в Пеньково, и оно высохло. А специалисты из ГПИ «Севгражданпроект» даже запланировали на дне озера строительство домов.

Когда поняли, что селу Пеньково озеро необходимо, тогда совхоз обратился к руководству ТЭЦ-2 с просьбой помочь восстановить водоем. Сельчан поддержал бывший директор ТЭЦ-2 В. П. Кукушкин. Согласилось исправить допущенную ошибку и руководство станции.

В дамбу заложена большого диаметра труба и по прорытой совхозом траншее вода устремилась в запустевшую котловину. Сейчас берега озера Пеньково снова приблизились к селу. Озеро зазеленелось камышами, ожили прежние плеса, слетелась птица и что было удивительно: отлежавшись несколько лет в лужине с метровым осадком, карась распространился по всему наполненному водой из озера Белое. Озеро вдохнуло вешней свежестью в село. Люди воспрянули. Теперь есть где пастись и кормиться домашней водоплавающей птице.

Люди были удивлены: на озере впервые прижились бело-снежные красавцы-лебеди, вернулись гуси, утки, лысухи. Целый день можно слышать птичий гам. Возобновилась жизнь.

Горжусь тем, что в возрождение озера Пеньково я внес свой посильный вклад.

1986 г.

ИЛИ ЖИТЬ «НА СЕМИ ВЕТРАХ»

Будучи неграмотными, казаки Горькой линии и беглые от крепостничества люди, однако, тогда уже знали цену рощам, имеющим огромное психологическое значение для здорового образа жизни.

А кто в наше время не знает, что дни, проведенные в лесу, оставляют глубокий след в человеке, успокаивают нервную систему, облагораживают чувства, поднимают общую энергию жизни. Чарующие красоты лесов нашего края служили и служат источником вдохновения писателей, поэтов и художников.

До сих пор не могу забыть шумную в ветреную погоду и задумчивую в тихие вечера Новопавловскую рощу, которая простиралась вдоль Большемалышинского тракта в сторону села Нойеслебен, переименованного в Березовку. Новопавловцы любили эту рощу. Любили за то, что кормила она их грибами, ягодами, за то что в ней всей станицей весело праздновали первый праздник после окончания сева хлебов — Троицу. Хороша она была тем, что когда-то между столетними березами станичники посадили и вырастили кусты боярышника и черемухи. Помню, как берегли ее. Был у нас в станице Андрей Иванович Захаров. Мы, дети, боялись его. С веткой цветущей черемухи или неспелой ягодой на глаза ему не попадайся — возьмет за ухо и приведет к родителям. Стыдно какой!

Несколько лет назад в встретил сына его, Андрея. В разговоре о прошлом, о станице, о роще и новопавловском боре, от которых остались одни воспоминания, я спросил:

— Сколько отцу платили за то, что он так рачительно берег рощу и бор?

Андрей удивился и ответил:

— Тогда все мы берегли, но никому, в том числе и ему, никто зарплаты не платил. Просто он больше других любил природу...

...Прекрасное село Вагулино, но рощи у него нет. А вот 83-летний старожил села Тимофей Ефимович Кормин вспоминает:

— Была роща-то у нас, но давно исчезла. Времена менялись. Было такое, что вагулинцы не только рощу, но и село не берегли. Жили одним днем. Многие совсем покинули село.

Вот и Олышанка теперь «на семи ветрах», а там где была когда-то дивная роща, защищавшая село от господствующей

щих ветров, теперь неприглядная захламленность — навоз, мусор, солома.

А ведь многие села в нашей области в годы освоения целины появились в голых степях. Теперь же, по воле человека, утопают в зелени, имеют рощи, парки, аллеи, домашние садки, цветники и даже фруктовые сады. Положительным примером могут служить совхозы «Карагадлинский», «Золотая шва», «Черкасский», совхозы Сергеевского и Тимирязевского районов.

Однако есть еще населенные пункты, в которых голым-голо... По улицам гуляют пыльные ветры, и ты певольно впадаешь в грусть, и тебе хочется спеть проническую частушку:

Эх, деревня-матушка,
Где мужик твой -- батюшка?

А мужики есть — и агрономы, и молодежь, и школьники, руководители есть, но так уж свыклись «на семи ветрах» и живут... О благоустройстве и озеленении жители Волошинки, Коктерека и Ново-Михайловки ежегодно разговор ведут, сельские Советы что-то намечают, но дальше разговоров дело не движется.

Рощи многих сел из-за активного выпаса в них скота на глазах гибнут. В селе Гаврино рядом с рощей возник склад ядохимикатов, в совхозе «Молодежный» обнесли металлической изгородью рощу в семь гектаров и летом загоняют туда все поголовье свиней.

Что же мешает многим возродить рощи, украсить свои села, облагородить микроклимат родного села, создать нормальные условия для культурного отдыха людей? А мешает единственная преграда, имя которой — забвенне. Вот его давно как раз пора разрушить.

1991 г.

Гроза в лесу

Не могу забыть случай, когда мы с отцом летом в 1924 году пилили в деляне березовые жерди, и нас, почти внезапно, настигла грозовая туча. Дождь был небольшой, прерывистый, но грозовые «залпы» были настолько сильны и внушительны, что мы с отцом поспешно забились под груженную жердями брочку и в моменты ослепительных сияний молний и небесного треска над нами, прилежно крестились (замечу, отец мой в ту пору был коммунистом). Однако небеса были беспощадны: на наших глазах гроза, что называется «прямой наводкой», ударила в стоящую на отшибе развесистую березу. Раздался оглушительный треск, и дерево в миг развалилось на две части. Поднялся и тут же исчез клубок дыма, а затем показались огненные языки, которые начали распространяться по полю. Пал, гонимый ветром, жадно пожирал пожухлые травы. Отец встревожился:

— Беда, сынок! Айда, тушить будем. Он быстро срубил несколько таловых хлыстов, к счастью, еще зеленых, и мы вступили в отчаянное единоборство со стихией.

Нелегко нам досталась победа.

А когда отдышались, отец в раздумье сказал:

— Вот видишь, как человек необходим природе? Он и защитит ее, и украсит своим трудом. Животных на земле много, а разум только человеку дан. Ни волк, ни заяц пожара не потушат, а вот мы с тобой не дали огню леса спалить!

1993 г.

ВЫРАСТИ ДЕРЕВО

В наше просвещенное время мало кто не понимает того, что среди зелени человеку легче дышится, здесь не досаждают зной и пыль, не утомляют резкие шумы. В тени растений смягчаются световые контрасты. Глаз отдыхает, мы с упоением вдыхаем аромат разнолесья, цветов и трав.

А ведь люди старшего поколения помнят то время, когда в нашем городе деревья можно было увидеть и почувствовать легкость дыхания только в городском тополином парке, в скверике желтых акаций на Октябрьской площади.

В общем, до конца сороковых годов наш город не озеленялся, а руководство имело «вескую» аргументацию: «Почва у нас неплодородная».

Что и говорить: город в жару был пыльный, душный, в непогоду непролазный.

Озеленение началось после войны, с индивидуальных дворов и прежде всего рабочих эвакуированных заводов, а затем и фронтовиков, побывавших в зарубежных странах, где по достоинству умеют ценить зеленого друга.

Убедившись в том, что грунт нашего города не так уж и плох, нашим властям и населению ничего не оставалось делать, как серьезно взяться за озеленение как внутри города, так и в его окрестностях.

Ведь еще после войны в районе озера Пестрого был сосновый бор и березовая куйбышевская роща, а с годами озеро Пестрое оказалось в окружении сосновых и березовых лесов.

Благодаря усилиям органов лесного хозяйства «Горзеленстрой», огромной массы садоводческих товариществ вокруг города, по существу, сомкнулось всеми желаемое «зеленое кольцо». А ведь для нас, горожан, особенно важно не климат больших пространств материка или страны, а микроклимат ограниченных территорий, где нам приходится жить долгое

время. А на него огромное влияние оказывают ближайшие леса.

Оказалось, что на почве города успешно приживаются: клен, дичка, ветла, береза, ель обычная, сосна сибирская, липа мелколистная, рябина обычная и не очень-то желаемый из-за пуха, загрязняющего город, обыкновенный тополь.

Так что земля наша плодородит. Чего не хватает, так это стабильного и целеустремленного озеленения города. Все получается урывками, а за последние годы вообще наблюдается застой, который не радует.

— Наш «Горзеленстрой» в прошлом на республиканских смотрах -конкурсах по благоустройству и озеленению города ежегодно занимал одно из первых мест, — говорит начальник И. Г. Иванов, — но с переходом предприятий на хозрасчет дело идет к непредсказуемым результатам. Мы перестали получать от предприятий города заявки на саженцы. У нас сейчас море рассады различных цветов, но прежних потребителей, для которых наш коллектив трудится, что-то не видно. Все ссылаются на хозрасчет, как будто озеленение и украшение цветами предприятий не стимулирует успехи в работе трудовых коллективов.

Большой бедой является и то, что посаженное не всегда вырастивается. Если взять все, что посажено за многие годы, то городу пора утопать в зелени. Но этого не случилось. Причина — плохой уход за посаженным. Посаженное дерево первое лето требует обильного полива, а его не хватает, посадки гибнут, гибнут огромный труд и народные средства.

Многие горожане считают, что поливать обязан «Горзеленстрой», но разве он, имея 6 поливных машин, в состоянии обслужить весь город, тем более, что у него самого до сих пор нет собственного водопровода, а плантации выращивания рассады всевозможных видов растений и цветов большие. Есть много газонов и скверов, за судьбу которых в ответе только «Зеленстрой».

Почему, спрашивается, многие жилые дома, здания предприятий, магазины, как, например, магазин «Ткани», ресторан «Ишим», музыкальное училище, кукольный театр и другие, до сих пор не имеют выводов из подвальных водопроводов и не обеспечат самостоятельный полив своих газонов из шлангов?

Вообще без активного участия жителей города и трудовых коллективов нам по-настоящему не озеленить город. А

ведь он на сегодняшний день по существующим нормам озеленен только на 50 процентов. В цифрах это выглядит так: всего зеленых насаждений на одного жителя города приходится в среднем 4,5 кв. м., тогда как по норме необходимо 9,12 кв. м. Вглядитесь, сколько давно построенных многоэтажек стоят на голом месте, сколько массивов, давно отведенных под зеленые насаждения, где гуляют пыльные ветры. Например, на улице Кирова — в районе магазина «Оптика» — пустырь в несколько гектаров, где давно пора бы под зеленью на скамейках престарелым людям, да с внуками отдыхать на приволье. Но от робкой посадки, произведенной когда-то строителями, теперь сиротниками стоят несколько общипанных деревьев, да разрастается сорняк. А где, люди, вселившиеся в девятиэтажки?

Считаю уместным привести в пример жителей нашего дома (улица Красноармейская, 57). Заселились мы в 1977 году и сразу обнаружили, что посаженные строителями деревья некачественные. Наши жильцы решили собственными силами озеленить не только дом, но и двор.

Возник вопрос: где взять саженцы? Выход был найден. Один из жильцов сказал:

— У многих дачников, небось, найдутся излишки, которые мы выкорчевываем и выбрасываем. Предлагаю каждому дачнику эти излишки пожертвовать на озеленение нашего двора.

Предложение было принято. Каждый что-то привез и посадил. С тех пор прошло 15 лет. И сейчас наш дом утопает в зелени.

И как прискорбно смотреть на соседние дома, у окон которых нет цветов, а стало быть, нет и радости.

Многие улицы нуждаются в посадке у своего дома. Капля душевности в замене сухостоя здоровыми деревьями, в замене высокоствольных деревьев, посаженных кем-то по безграмотности под электрическими проводами, что опасно для людей. А теперь «Зеленстрой» затрачивает большие суммы денег, превращая эти деревья в кочерыжки, ничего полезного не дающие городскому микроклимату.

С большой грустью горожане не первый год смотрят на густые заросли чертополоха в парке Победы в районе БЖ, «красоты» которого были с помпой воспеты в дифирамбах упоительных речей в день его открытия.

Нет, нельзя нам не тревожиться, видя, что за последние годы озеленение города снижается, а загрязнение воздуха с ростом автотранспорта все увеличивается и здоровье людей ухудшается.

1992 г.

КОЯН (быль)

Брату Ванюшке четырнадцать, а он все еще был каким-то неудачником: то дружки приведут его домой, спасенного на озере утопленника, то жеребенок залягал за излишние забавы с ним, а еще с ростом у него возрастали и обиды и зависть, особенно ко мне:

— Да тебе-то что, в баринах ходишь, у тебя и берданка, и гармошку купили, сапоги на медных шпильках, кепку-американку, а мне даже пугач не хотят купить.

Это же он отцу высказал, а тот сказал:

— Рановато тебе берданку. Перебьешь всех скворцов и дятлов. Да и дружкам твоим угроза под страхом ходить. Будет умишко, будет и ружьишко. А что касемо гармошки, так вам и одной хватает, веселите всех пеньковцев.

Однажды Ванюшка мне высокомерно так говорит:

— А ты хоть и с берданкой на охоту ходишь, а часто впустую. Порох жжешь, дробью фуркаешь, а толку—ни фига. А я вот без ружья зайцев наколашмачу сколько надо.

— Ты что, догонять их будешь, или Белка поможет? —, спросил я,

— А я без собаки. И сам догонять не буду, и зайчики сами ко мне явятся.

Выглядело это смешным, в то же время думалось: что, если и в самом деле? В те двадцатые годы можно было и поверить. Зайцев была тьма. Они наносили даже большой урон урожаю, спутывали хлеба. Пеньковцы в 1924 году были вынуждены через газету «Мир труда» обратиться к охотникам города с просьбой провести отстрел зайцев. Дети потешались, гонялись за зайцами, окружали и ловили в ветвистых кустах. А зимой в каждом колке хорошо утоптанные тропы. Ставь петли и ежедневно будешь с добычей.

Наш Иван повел вдруг какой-то загадочный, скрытый образ жизни, нет-нет, да и исчезнет кута-то, а тут как-то исчез на весь день. Вечером я обежал всех его дружков — все дома, но, говорят, видели его. В леса ушел. Все мы встревожились,

Ночная тень приближалась. Не дождавшись его, мы молча ужинаем во дворе. С озера веет мягкий воздух, пахнувший мохом. На озере перестали базарить чайки, редко где-то крикнет не определившаяся на сон утка, или глухо бухнет выпь.

— Господи! Да где же мой сыночек? — сокрушалась мама. — Что же вы сидите, ночь на дворе, а его с утра нет, не обедал.

— Ну где его искать, в каком лесу? — ответил отец и для успокоения добавил: если видели его с лопатой, значит солодку копает...

В это время за воротами протарахтела телега и мы услышали голос Мукатая: «Прощай, коян, ха-ха-ха!» Телега уехала, а в калитке появился неузнаваемый, истерзанный, еле передвигающий ноги наш Иван. От рубахи висели одни грязные ключья. На теле видны царапины и запекшаяся кровь. Увидев нас, он пустился в душераздирающий плач.

— Кто тебя так? — спросил отец.

— Зайцы! — неумно всхлипывая, гневно ответил Иван. Нам можно было бы расхохотаться, но, видя его безысходное горе, слезы и грязь, размазанные на лице, нам было не до этого. Оставив ужин, мы все забежали, отец с матерью наскоро, прямо во дворе обмыли его, а многочисленные царапины на теле облепили сочными листьями подорожника, одели, и, усевшись за стол, стали молча продолжать ужин. Ванюшка жадно папал на еду, а мать приговаривала:

— Бедняка ты мой, промялся-то как, ешь, ешь, а ранки твои заживут. Вот дожились, зайцы и те стали нападать на людей, а все за грехи наши.

Я не утерпел, расхохотался:

— Только хорьки, если им досадить, могут напасть, а тут зайцы! Врет он.

— Ты действительно, Иван, что-то перепутал, — сказал отец.

— Я правду говорю — зайцы меня! А ты не хихикай! — крикнул он на меня.

— Ну так расскажи все по порядку.

И он рассказал. Где-то подслушал, как надо ловить зайцев ямкой. Вот и решил он, потаенно от нас, выкопать колодец чуть повыше своего роста. Парвал спелой пшеницы и колос к колосу прикрыл яму. Все шито-крыто. А сегодня утром, затаив дыхание, поспешил за уловом. И что же? Когда он приоткрыл ямку, а там два зайца! Заликовал Иван, и, не поду-

мав о последствиях, тут же спрыгнул к ним, а зайцы не растерялись и мигом использовали его как лестницу. Трещала рубаха, в тело впились острые когти. И не успел он понять, что произошло — зайцы исчезли.

— Чего ж ты целый день сидел в яме-то? — спросил отец.

— А как бы я выбрался, если со мной не было ни лопаты, ни даже палочки. Карабкался я, потом орать стал, орал, орал, но никто за целый день меня не услышал. К вечеру мне страшно стало. В лесу какой-то зверь или птица гугукает, как старик... Кто-то бегает по лесу. А потом я услышал кто-то вроде едет. Кричать опять стал. Потом телега остановилась и Мукатай подошел, посмотрел и говорит: «Ой-бай, коян попался». Он смеется, а я плачу да плачу.

Посмеялись и мы.

Не думали мы тогда, что наш Ваня-коян, сплошной неудачник, когда-то будет трактористом, потом кадровым офицером, танкистом, награжденным за участие в боях на Хасане, а в годы кровавых битв с гитлеровской армией одолел боевой путь от Курского плацдарма до Будапешта. Освободив Киев, на киевлянке и женился. На пенсию пошел в чине майора при трех боевых орденах и нескольких медалях. Жил с семьей в Днепропетровске, где случилась с ним последняя неудача — трагическая, нелепая гибель при переходе многопотоочной трассы автомашины и троллейбусов.

1993 г.

Коян-заяц

(каз. яз.)

ВОРОН

В энциклопедическом словаре ворон характеризуется птицей теплолюбивой и что обитает он в Евразии, в Северной Америке и Северной Африке. Но не странно ли то, что ворон со своей суженой многие годы обитал по соседству с нашей заимкой, которая находилась в километре от села Пеньково.

Позиция для гнездования была подобрана лучше некуда — компактный березовый колок. На одной осанистой многолетней березе посредине колка было сооружено большое, мастерски сделанное гнездо, до которого — ни одного сучка. В общем, предусмотрены и удобства, и безопасность. Вокруг этого колка была наша пашня. И характерно: только отец запряжет лошадей в плуг, как ворон уже тут. Сначала он бесшумно парит, а потом опускается в борозду и почти по пятам отца ходит важно, вразвалку и старательно собирает вывернутую из-под земли добычу.

Все остальные: грачи, сороки, чайки следуют за ним, не смея обогнать. Чувствовалось его преимущество.

Было замечено, что на березы этого колка другие птицы не садились. Его глуховатые, но мощные выкрики «крро-крро» хорошо понимали птицы других пород. Оберегая свое гнездо, он со всей страстью гонялся за воронами и копчиками-яйцеданами.

Зорко следил, и не без тревоги, перелетая с вершины на вершину, выкрикивал «крро», когда какой-нибудь грибок появится у его вотчины. Но если грибок подходил к дереву, на котором гнездо, то ворон, что называется, метал громы и молнии: кричал, пикетировал. В таких экстремальных случаях мой отец оказывал ворону помощь. Он бежал к этому колку и кричал грибку: «Оставь птицу в покое!». И грибок в недоумении удалялся.

Мы были убеждены в том, что ворон с отцом были в дружбе, хотя и на расстоянии.

Например, когда мы обедали и ужинали возле костра, то ворон непременно парил над нами, а отец махнул ему рукой и скажет:

— Ладно, ладно. И тебе достанется.

А по окончании еды он уносил объедки, как бы в условленное место, где потом ворон, а иногда и с воронихой делили свою трапезу. И только в этот момент их можно разглядеть — клювы у них сильные, сами вдвое крупнее грачей. Черные с зеленоватым отливом.

Мы, ребяташки, по наивности все считали их орлами, считали как птицу царственную, боялись и обходили стороной.

Однажды за ужином мой отец поведал нам о вороне следующее: «Ворон не орел. Птица теплых краев. Встречал я ворона в горах, когда службу нес в городе Верном. А вот как оказалась эта пара здесь, в Сибири, сам Бог знает. Знаю, что их гнездо на нашей заимке находилось еще при прадеде Гордее Тихоновиче, а это небось, лет сто, а может, и больше. И что каждый год они выводят по шесть воронят, до осени обучают их жить, летать, а приходит весна — возвращаются на свое заветное гнездо, а дети где-то застревают. Видно, в теплых краях, где им от природы место заказано».

Этот рассказ и сыграл зловещую роль для семейства вороны. Рядом жил мой двоюродный брат Пашка, которому отец — дядя Илья устраивал частую порку за всякое блудство: то он подожжет траву — пал пустит, и этим всех пахарей взбудоражит, те бросают плуги, сбегаются тушить по-

жар, то самовольно, пользуясь занятостью взрослых, стащит берданку и устроит пальбу в лесу. В общем беспокойный был, без пакостей не обходился сам и с собой — вовлекал кого-нибудь из нас. Мне было шесть, ему десять лет. Мы с ним в округе займки в ту весну позарили ворои да сорок несчетное количество. Нередко приносили для общего стола полные казачьи картузы утиных и чернедичьих яиц. А на озере с лодки, оставляя подкладыши, собирали, как у домашних курниц, рябенькие, но довольно вкусные яйца лысух.

В те годы, не то что теперь, птицы было так много, что прокормиться ее плодами ни грехом, ни браконьерством не считалось.

Помню, как сейчас, после отцовского рассказа о ворои Пашка отозвал меня в сторонку и говорит:

— Понял, что это за орел? А мы-то чуть не молимся ему: царский орел, царский орел. Не подходи! Давай вот что сделаем: стащим у них одного цыпленка, откормим, потом шкуру сдерем и сделаем чучело, а я подарю школе. А то в школе только два чучела: ворона да сорока. Знаешь, как в школе обрадуются, если мы с тобой принесем такую диковинку!

Я в школу еще не ходил, но с нетерпением собирался, а поэтому решил: почему бы не сделать добро.

Пришли мы с Пашкой к гнезду: потаенно, бесшумно, он и говорит мне:

— Давай я тебя подсажу, а там уже близко и ты в обхват долезешь, сцапай одного и сползай.

— А если там ихняя мать сидит? Она же укусит?

— А мы сейчас ее вытурим.

Набрал он несколько палок и начал швырять их в гнездо. В гнезде молчок. Значит, они оба улетели на жратву. Цыплята одни.

Поднял он меня, сколько смог, а там я уцепился клещом, докарабкался до гнезда. Но гнездо такое большое, настолько плотно сплетено, что я сразу понял: не достать мне цыпленка. И все же протянул руку и тут же получил такой клевок и страшный крик «крро!», что от боли и страха я мгновенно оказался на земле и залился слезами.

Вдруг появился самец. Он поднял крик «крро, крро», стал пикировать, но сучья соседних берез защищали нас.

Разъяренный Пашка решил отомстить за меня. Он тут же сломал основную сухостонну, обломал сучья и отчаянно начал рушить гнездо.

Самка с криком покинула гнездо и стала парить над деревом, а самец то и дело отчаянно пикировал на Пашку, но безуспешно. Гнездо рушилось, многолетний каркас из хрупких сучьев разлетелся во все стороны. Начали выпадать куски, глины, посыпалось перо, вместе с ним, цепляясь за ствол березы, за ветки соседних деревьев, падали на землю цыплята и, подай Бог поги, разбегались во все стороны. Пашка сподохом метался по лесу, пытаясь поймать цыпленка, но не удавалось. И получилось непредвиденное. Я, обняв молодую березку, стонал от боли, и вдруг увидел, как рядом возле меня цыпленок запутался в траве, и, выбиваясь из сил, не может выпутаться. И вот тут-то я его просто накрыл картузом и неистово закричал:

— Поймал, поймал!

В потаенном месте мы выкопали ямку, дно застелили травой, в черепок наложили ему всякого корма, каши, картошки, пшеницы, проса. В баночке воды поставили и догваривались, когда вырастет, то, чтобы не улетел, крылья подрежем. Но несколько раз в день мы заглядывали к нему, а он как расставил вначале свои когтистые лапы, прижался к траве, так неподвижно и сидел трое суток, пока не скончался. Там мы его и захоронили.

Пашка боялся больше меня и часто предупреждал:

— Разболтаешь — милости не жди!

И я молчал. И вообще никто как-то не заметил исчезновения ворона. Но в следующую весну отец пахал полоску, гонки которой тянулись как раз к тому колку, где обитал ворон. Вечером за ужином отец с горечью сказал:

— Все же нашелся какой-то поганец — уничтожил в прах гнездо ворона. Теперь уже он не вернется к нам. Каких только подлецов нет на свете.

Пашки в тот день на занжке не было, я сидел за ужином, а лицо мое пылало пламенем.

Отец заметил это, впился взглядом, спросил:

— А что это ты так зарумянился?

Из моих глаз бисером покатились слезы.

— Рассказывай!

— Да. А потом Пашка меня убьет.

— Я не выдам тебя.

— А он догадается.

Отцу было все ясно, а когда приехали дядя Илья с Пашкой, перед сном на парях отец и говорит:

— Вот что, Илья. Ворон-то нынче не вернулся. Оказывается, наши казачки гнездо его осенью уничтожили. Но мой-то драгун воды в рот набрал. Не сознается.

— Это не мы, — закричал Пашка.

— А я нашел там улику. Вы потеряли темляк от картуза.

— Чей картуз, тот и в ответе — защищается Пашка.

— Вот чего, Пашенька, — сказал дядя Илья, — снимай-ка штаны. Драть буду, как сидорову козу.

Отец заступился:

— Не надо, Илья. В этом мы виноваты. Думаю, тебе хватит ходить за плугом. Павлу одиннадцать. Пахарь что надо. Ну, а мой бороноволок и на разные хозяйственные работы хваток, например, огонь в костре поддерживает, хвост за-пасаает, картошку чистит.

Подумав, сказал:

— Если вы с детства будете разорять да убивать животных, то вашим детям ничего не останется.

Отцовские советы — беречь природу — бережно пронес с собой всю свою жизнь.

ПЕНЬКОВСКИЕ ПЕРВОЖИТЕЛИ

Весной в 1923 году мы с отцом, Михаилом Матвеевичем, на раздольном приозерном пустыре нашей пашни, кашащей перенелой, птичьим гомоном на озере и в дивных лесах, первыми начали строить себе жердяную, набитую дернами избу — как раз на том месте, где нынче живет семья Кельбах.

Тогда мне было 12 лет, но работать пришлось наравне со взрослыми мужиками.

Отец уговорил еще 9 семей переехать к нам.

А осенью задымили трубы десяти изб. Начали новую жизнь: Аверины, Захаровы, Злобины, Долгополовы, Шихалевы, Велижанские, Ушаковы, Бояновы, Казачковы и горожанки: Суровцев, научивший всех нас бахчеводству.

Время было тяжелое. Война с Германией, затем гражданская война, длительная эпидемия тифа, кулацкий мятеж и пещадная засуха 1921 года довели наш народ до вымирания. В пищу люди подмешивали свежую березовую кору, лебеду, корни рогозы...

Пеньково — это был выселок из казачьей станицы Новонавловки.

Почти все первожители Пеньково имели по одной лошаденке и по коровенке.

Но люди не унывали. Помню, как вечерами сельчане собирались, чтобы поговорить, пошутить, спеть две-три протяжные песни в этом отдаленном и глухом в то время местечке.

Не раз подбирали название селу, порой выдвигались смешные: «Горемычное», «Короедово», «Голодраново», «Перепелкино»...

В ту же осень у мамы родился сын Дмитрий. Кто-то поддал мысль назвать деревеньку именем перворожденного и установить престольным праздником — Дмитрев день — 8 ноября.

Праздник прижился, его ежегодно отмечали, а вот название села — так и осталось за полноводным озером, богатым в то время рыбой, птицей и благоухающей первозданной красотой — Пеньково.

На следующее лето (1924 г.) из Новопавловки наше село пополнили: Кольцовы, Бояновы (Алексей): из кочевых аулов: Измайловы, Гизятовы, Серскбаевы, Аяшевы; из города — Андреевы, Балакины, Манаховы, Сутюшевы; из разных сел: Шкерины, Поляцкие, Рагозины и другие.

Образовалась улица.

Близость пашен, неплохие урожан, богатство природы, удобства для разведения водоплавающей птицы, выращивание бахчевых культур (арбузов, дынь, огурцов) способствовали быстрой поправке хозяйств. В 1925 году пеньковцы жили уже в достатке, имели по 2—3 лошади, столько же коров. В 1927 году в селе были организованы школа-трехлетка, клуб, в котором имелась: маленькая сценка, огромный сундук с реквизитами и костюмами для самодеятельности и 8 простых скамеек. В основном зрители приходили на наши представления со своими табуретками. Кинопередвижка приезжала к нам в году не больше двух-трех раз. Фильмы тогда были немые.

Помню: сельчане ревностно относились к чистоте села и окружающей среде. Летом каждую субботу подметали свои дворы и всю улицу. Печи топили валежником, а потому леса вокруг были чистыми.

Тяга к учебе многих из нас молодых вынуждала покидать родное село.

Так вот и я 18-летним, да с четырехклассным образованием Новопавловской школы оказался в городе.

Теперь же такой надобности у молодежи родного села нет. Им принадлежит двухэтажная средняя школа.

По возвращении с фронта в 1946 году я многих не досчитался моих ровесников, которые когда-то весело пели и плясали под мою двухрядную «Тальянку».

Кто-то из них покинул село, кто-то попал под репрессии, а многие погибли за нашу великую и непобедимую Родину.

Все годы я не теряю связи с родным селом и оказываю посильную помощь: в организации сельского музея, в восстановлении озера, загубленного в прошлом строителями ТЭЦ-2, веду борьбу за сохранность окружающей среды.

1987 г.

К ЧЕМУ ПРИДЕМ?

Девятый десяток живу, многое повидал. И ничего мне так не жаль, как матушку — землю. Сколько терпит она от нас, неразумных! До двенадцати лет я жил на самом берегу реки Ишим, в станице Новопавловке. Помню, какой глубокой, широкой и благодатной была река круглый год. Она была и полицей и кормилицей нашей.

В прошлом не пили сырую воду только в дни наводки, когда бурлящая, необъятная река в своем водовороте поднимает с полей всякий мусор, ил, но достаточно Ишиму войти в берега, так вскоре вода устанвается, она чиста, прозрачна. Люди не боялись, пили ее ковшами некипяченной и не болели.

Теперь, вот уже много лет: ни зимой, ни летом люди не решаются рисковать. Пьют только кипяченую.

В реке исчезли многие виды особей. При мне еще нечасто, но заядлые рыбаки добывали красную рыбу: нельму, теперь же не стало пескаря, вывелся рак — излюбленная закуска к пиву.

Помню, еще в годы НЭПа, когда оживилось предпринимательство, в городе, как грибы, вырастали пивные и, вот примчится, бывало, в фаэтоне к нам в Новопавловку такой предприниматель, а мы босяки за ним, а он выбросит клич: «Ребята! Плачу по копейке за рака!» И мы всей оравой в воду. Нашариваем уже знакомые нам поры в обрывах, выбрасываем на берег раков, а купец собирает их в корзины, а сам громко ведет счет.

Были удачи — зашибали по два гривенника каждый, а это немало — по фунту пряников в нашей кооперативной лавке.

А с рыбой было так.

Отец, бывало, с вечера закажет матери испечь рыбный пирог. Рыбы еще нет, а заказ есть. Но мама не возражала. Она знала, что это не пустые слова, рыба будет.

Моя забота: с вечера паловить в солдатский котелок живчиков (чебаков) и поставить их в погреб на лед.

А утром, еще потемну, по еле заметным тропам, через канустники, морковники, обильно скрапленные росой травы, мы спешили с отцом за Чагловский, вечно заросший, пугающий своей тихой мрачностью овраг — к белому песочному берегу.

— Щучье место. — говорил отец.

Над водой густой туман, слышны сплошные шлепки, плескание, а когда взглядишься, то увидишь, как щуки, в погоне за добычей выскакивают на поверхность воды.

— Жор идет! — шепчет мне отец на ухо, а сам, ловко зацепив на крючок живчика, забрасывает туда, где только что, в погоне за мальками, щука выбросилась на поверхность воды. Поплавок сразу же с шумом исчезает, леска (из волос конского хвоста) струной натягивается. Взмах отца и щука прыгает уже на песке.

В общем, я не всегда успевал размотать свою удочку, на песке уже «танцуют» две щуки.

— Ну, вот и хватит. Идем домой. Мать пирог раскатала, ждет.

В те годы новонавловцы и зимой не имели нужды в рыбе. Бывало, с высокого берега видишь и знаешь, где и чьи стоят на льду жорлики: ушаковские с красными тряпочками, журавлевские с черными, колоколовские с синими. Каждая семья на всю зиму ставила их по 10 — 20 штук. И стоило хозяину только взглянуть с берега на свои жорлики, как ему было ясно: есть улов или нет его.

На соседних старицах рыбаки-любители ставили кацы из таловых палок и круглый год сачком добывали в них свежую рыбу.

В наше время подобные снасти непременно украдут или разгромят. Страшное время мы переживаем — даже сельская молодежь, которая в недавнем прошлом заметно отличалась от городской своей скромностью, порядочностью, немалая часть ее становится безумной, пакостной.

Сейчас Ишим, пойменные старицы, горные озера, по нашей вине значительно обмелели и оскудели. Это наша боль, но рыба еще все же есть, и если бы не было у нас воров, пог-

ромщиков, забуддыг, люди, как в прошлые времена, когда торжествовала совесть, вполне могли бы обеспечить себя рыбой. Почему бы горожанам не ставить жорлики и кацы на озере Каменное, Калачик? Большой полигон для этого. Ишим ставь жорлики, ставь кацы, пользуйся дарами природы. Но...

У нас не Германия, -- сказал мне как-то рыбак-любитель. И я его понял.

Мои два сына и зять отслужили действительную службу в рядах Советской Армии на территории Германии ровно по семь лет. Они рассказывали, что озера там не опашивают, как у нас на притоках запруд, плотин не делают, берега содержат в санитарной чистоте, и в результате получается: экологическая среда не нарушается, уровень вод в озерах сохраняется и рыбные запасы богаты.

Но главное: человек может поставить любые снасти, сутками не появляться и быть уверенным в том, что никто к ним не прикоснется.

Но почему и до каких пор у нас будет такое нетерпимое, бесшабашное к природе и к трудовому человеку отношение? Ведь были же мы лучше, были: грех, совесть, милосердие, не поднимались руки на природу, на чужое добро.

Бывало, на пашнях круглый год стояли стога сена, скирды не обмолоченного хлеба, у земледельцев на пашнях стояли дерновые и жердяные избушки, в них зимовали бороны, плуги и другая оснастка, дверь на замок не закрывалась. По весной хозяин обнаруживал все в целости.

Теперь такое исключено.

Как дальше-то будем жить? Ведь никогда экономически не укрепим, если и дальше от безрассудства будем наносить пагубный ущерб природе и обворовывать тех, кто трудится, кто что-то производит.

Сопоставляя прошлое с настоящим, становится страшно-вато. Слишком удалились мы от всего хорошего.

К ч е м у п р и д е м?

1993 год.

ДИНАСТИЯ КОЛЬЦОВЫХ

Когда речь заходит о селе Пеньково, я вспоминаю Ивана Ивановича Кольцова. Возможно, потому, что он на селе самый старший, ему 82 года. Возможно, потому, что у него здесь глубокие корни. В 1924 году он приехал сюда с семьей и поселился на песчаном пустыре.

На заслуженный отдых Иван Иванович пошел в возрасте семидесяти лет. Сделал себе у палисадника удобную скамеечку. И теперь, прослушав с утра по радио последние новости, частенько сидит здесь с Натальей Андрияновной, с которой в прозапрошлом году отпраздновал золотую свадьбу.

Он по национальности — венгр — Янош Янович Кольцов, родом из Трансильвании, из села Жамбар. В семнадцать лет работал у хозяина зеркальной фабрики. Детство прошло в бедности, и тут не успел «опериться» — вспыхнула первая империалистическая война, его раньше призывного срока поставили под ружье и отправили сражаться против русских.

На реке Сан часть, в которой он служил, попала в окружение, а там — плен. Когда вспыхнула гражданская война, белые принимали все меры, чтобы помешать пленным перейти на сторону красных. Их перегоняли с одного места на другое. Партию пленных, в которую попал Янош, высадили на станции Петропавловск.

В 1922 году пригласили из в ревком и сказали: «Советская власть разрешает вам выехать на родину». И хотя трудно было расставаться с друзьями, но от одной мысли вернуться домой ликованию не было предела. Распрощались, поехали в Москву, чтобы там оформить документы, и — домой, скорее домой!

— Но ребята уехали, а я вот остался, — улыбувшись сказал Кольцов.

— Что, не разрешили? — спросил я.

— Да нет, разрешили, как и всем. Но разъяснили: моя Трансильвания оккупирована Румынией, Всех, кто возвращался из Советской России, считали «зараженными» революцией, а поэтому без суда и следствия сажали в тюрьмы.

Сколько Янош ни писал писем своей матери, братьям и сестрам, ответа не получал. Надежды на возвращение были окончательно подорваны.

«Ну, а потом, — он покосился на сидящую рядом все еще приятно смугловатую и чернобровую Андриянову. —

— Вот подгляддела меня да и поженилась мы».

Хозяйство у Ивана Ивановича было маленьким. Трудился с женой, не покладая рук: сеяли, сажали, строили жилье. Потом коллективный труд в колхозе. Незаметно шло время. Подрастали дети, брались за работу. Иван Иванович был в числе тех, кто составлял костяк хозяйства.

А сколько Иван Иванович выполнял общественных поручений: он был членом ревизионной комиссии колхоза, членом группы народного контроля Березовского совхоза.

Я как-то спросил его:

— Говорят, вы, Иван Иванович, в годы войны на Урал ездили, сталь варили?

— Варили. В Нижнем Тагиле, четыре года я был литейщиком. После войны уговаривали остаться. Но как же мне, — он весело рассмеялся. — как же мне покинуть Пеньково. Ведь тут чуть не половина села — моя родня.

Да, Кольцовых в Пенькове действительно целая династия. Старший сын — Василий — бригадир полеводческой бригады, жена его — доярка, Константин — бессменный механик совхоза, жена его — начальник почтового отделения. Два внука — сыновья Василия — Николай и Владимир — механизаторы широкого профиля. И у Константина тоже сыны — Александр (недавно вернулся из армии) и Владимир — в мае ушел в ряды Советской Армии. Дочери, внуки и внучки — все трудовые люди.

В 1943 году Иван Иванович побывал в Венгрии. Оказались живы-здоровы мать, два брата, три сестры. Правда, не со всеми сестрами удалось встретиться: Вальма живет в Румынии, а Катя — в Югославии.

— Я был у них желанным гостем, но уже как гражданин Советского Союза, — говорит он.

Второй раз он ездил к родным с дочкой.

— Какие же у вас впечатления от поездки? — спросил я.

— Хорошие, но в гостях всегда хорошо, а дома лучше. Мой дом здесь.

БЕСПОКОЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК

— Что это вы, девчата, — светлый день на дворе, а у вас лампочка не выключена?

Доярки почувствовали себя неловко, извинились и тут же выключили свет.

— Много говорим про экономню, а сами расточительствуем, — продолжал вошедший.

— Не браните, Николай Каллистратович. Ну не доглядели сегодня. Всего-то одна лампочка и горит...

— А как вы думаете — стоит прислушаться к поговорке: «конейка рубль бережет». А вот эта, вроде бы незаметная лампочка за день совхозный рубль на ветер пустит, — сказал и ушел.

Я тогда спросил одну из доярок, кто это был. Она уважительно ответила:

— Николай Каллистратович Сазонов — бывший учитель, а теперь на пенсии, депутат нашего сельского Совета. Бывает у нас часто.

Вскоре мы поближе познакомилась с Каллистратовичем. Человек интересный, много читает. У него богатый жизненный опыт. Стоит признать, что застать дома Н. К. Сазонова не так-то просто. Когда бы ни спросил у его супруги — где Каллистратович, отвечает: то в сельском Совете, то уехал в Березовку с проверкой, то на МТФ...

— Но, Алла Андреевна, он же давно на пенсии. Дома-то выходит совсем не бывает? — спрашиваю.

— Ночует. Иногда вовремя обедает, а завтракать приходится только после совхозной планерки, да и то не всегда. Бывает, что прямо с планерки, в составе какой-нибудь комиссии уедет. Когда работал, и то свободного времени у него было больше, а теперь — прямо неуловимый...

Видно, что обижается она на мужа только для виду, в душе совсем другое. Алла Андреевна довольна, что ее Каллистратович по-молодецки, на общественных началах «крутится». Да и как не крутиться. Он как депутат в комиссии по учету и контролю расходования кормов на ферме совхоза, председатель группы народного контроля при сельском Совете, постоянный агитатор.

Но вот что характерно, Николай Каллистратович — ничуть не противится, когда на него «наваливают» все новые и новые общественные поручения.

— Веселее жить, когда дел под завязку, — улыбаясь, говорит Сазонов.

Семнадцатилетним активно участвовал в общественной жизни, был пропагандистом, комсоргом, 15 лет доверяли ему быть секретарем первичной парторганизации. Избирается де-

путатом сельсовета шестой раз, причем дважды, будучи уже на пенсии.

— Для нас, — говорит председатель Рошинского сельсовета К. З. Бакиров, — Николай Каллистратович — надежная опора. Много помогает в подготовке и проведении сессий, заседаний исполкомов, комиссий, ведет большую работу по борьбе за трезвость, частенько поручаем ему вести прием избирателей.

Работа депутата Сазонова происходит на виду у всего села. Любая беседа с избирателями — состоялась ли она на улице или дома, не в тягость депутату.

— В каждой семье своя тема беседы, — делится Сазонов. — Посетители на официальном приеме в сельсовете далеко не всегда полностью открывают сокровенные мысли. А в домашней обстановке проще и доверительнее разговор получается.

На молочнотоварную ферму Н. К. Сазонов частенько заглядывает. И не мог не заметить, что бытовые условия животноводов можно улучшить. Стучался в одни двери, в другие. Отстаивал свою позицию, предлагал вынести вопрос на заседание исполкома. И дело сдвинулось с мертвой точки. Теперь на ферме есть буфет, магазин с товарами первой необходимости. действуют душевая, прачечная.

И в школе Николай Каллистратович всегда желанный гость. Не забудет выступить с папутственным и добрыми пожеланиями, скажем, на торжественной линейке, посвященной первому звонку. Заглянет и на новогоднюю елку. Порадуется вместе со школьниками, что каждому из них, согласно Конституции СССР предоставлены широкие права и возможности — жить, учиться, работать, творить и быть уверенным в своем светлом завтра.

1986 г.

ВСТРЕЧА

— Когда меня спрашивают о том, что мне больше всего запомнилось на фронте, то я отвечаю: «Встреча с отцом», — рассказывает бывший гвардеец, командир отделения 145-го гвардейского полка, сержант Дмитрий Данилович Лисянин, ныне кузнец, находящийся на заслуженном отдыхе в совхозе «Роцинский».

Да и в самом деле представляете, что это значит в такой военной буче, в таком сером месиве людского скопища, измеряемого миллионами озабоченных и сосредоточенных душ, когда нетосковавшаяся мечта о встрече с родными, кажется, уже перегорела. И вдруг перед тобой, словно видение, возник самый близкий, родной человек — отец!

Отец Дмитрия, Данила Евстафьевич, на фронт ушел, как только началась война. Сыну было 15 лет. И кто мог подумать, что ему, Митяю, тоже выпадет на долю фронтовое лихолетье. Ведь тогда все говорили, что война долго не протянется. В это особенно все поверили, когда гитлеровцы под Москвой потерпели поражение.

Семья Лисяниных жила тогда в селе Бриловке Кокчетавской области. С уходом мужчины на фронт все жизненные трудности взвалились на плечи женщины и таких подростков, как Дмитрий. Он вспоминает:

— Дело прошлое, и я теперь сам удивляюсь, как это я, пятнадцатилетний, работал, как заправский мужик. Ноги не доставали до педали, а я всю работал на сенокосилке, на конных граблях, на лобогрейках паравне со взрослыми от зари до зари.

За успехи в труде нас хвалили, награждали грамотами. Обо всем этом и писалось отцу на фронт. Присылал и он свои треугольнички, в которых кратко сообщал о фронтовых делах, а больше давал наставления о том, как нам жить дальше, что главное — это честно трудиться на благо Родины, во имя победы. А тем временем и Дмитрию пришло время идти на фронт.

В ноябре 1943 года у сына с отцом завязалась уже фронтовая переписка. Отец наставлял сына, как воевать, как блюсти дисциплину и уберечь себя от «пули-дуры».

Дмитрию по-прежнему казалось, что отец находится где-то недосягаемо далеко, а оказалось: его артиллерийская часть движется на Запад рядом. Встреча произошла совер-

шенно случайно. Дмитрий стоял в строю своего полка, готового после краткой передышки двинуться в путь. И вдруг — отец! Идет мимо один. Словно сердце его чувствовало близость сына...

-- Увидел он меня да как закричит: Митя! -- вспоминает Дмитрий Данилович.

Радость их была так велика, что они за десять минут, которые разрешил Дмитрию командир, ничего так и не сказали друг другу.

-- Полк меня ждет, а мы с отцом, как истуканы стоим, смотрим друг на друга, улыбаемся, конечно, и молчим. Потом полк зашагал. Не отставать же мне, помахал я отцу рукой и кинулся догонять полк. А потом, когда пришел в себя, дослез было обидно за такую целеную встречу, похожую на сон.

Такие же чувства охватили и отца. О них он писал: «Как же это, сынок, встретились и не поговорили. Ну да ладно. Теперь уж дома поговоримся...»

Мечта отца сбылась, но только через 7 лет. В 1950 году, когда Дмитрий вернулся домой после сверхсрочной службы в рядах Советской Армии. Среди боевых наград, украшавших его грудь, — медаль «За отвагу». Об этом он рассказывает так:

— Наградили нас за одну дерзкую операцию. Ходили за «языком», да как-то случайно наткнулись на штаб вражеского полка. Нас всего-то было пятеро, но все мы были увешаны гранатами, открыли автоматную трескотню, равную крупной наступательной части. Штаб в панике, с потерями разбежался, а мы, прихватив немецкого фельдфебеля, без потерь вернулись в свою часть. А не спаникуй немец — конец бы нам. Ведь штаб-то неплохо охранялся.

Протовав всю Европу, конец войны Дмитрий встретил в Австрии, в предместьях города Вены.

В это время маленькая деревенька Бриловка уже не существовала. И отец с семьей переехал в Северо-Казахстанскую область.

К семи боевым наградам у Дмитрия Даниловича Лисянина в мирное время прибавились орден «Знак Почета» и медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Сейчас Д. Д. Лисянин на заслуженном отдыхе. Но, привыкший с детства быть среди людей, он и теперь не сидит сложа руки: то в кузницу заглянет, то со школьниками встретится, то побывает в конторе совхоза или в сельском Совете. До всего ему есть дело.

1985 г.

ВПЕРЕДИ АРТИЛЛЕРИИ

Навстречу 40-летию Победы

Со стороны озера дует пронизывающий ветер. Метет поземка, да так, что в окна пеньковцам словно кто-то лопатами из-за угла пошвыривает звонкий снежок. Однако нас с Андреем Васильевичем Шмаревым, в его жердяной, с метровой толщины стенами и аккуратно побеленной избе тепло и по-деревенски уютно.

— Нынешняя зима морозная и снежная. На хороший урожай намекает. Только бы войны проклятой не случилось... — задумчиво говорит Андрей Васильевич. Он разматывает сверток с фронтовыми документами, а сам продолжает пачатый разговор:

— В такую стужу невольно всемогнается тяжкое время войны.

Бывало, неделями, а то и месяцами шинели и сапог не снимали, о таком вот домашнем тепле только помечтаешь.

Знакомясь с документами, я спросил:

— В военном билете и в благодарностях командования говорится, что вы разведчик артиллерии...

— Верно. Всю войну я им был, но когда наша часть брала населенный пункт, то мы, разведчики, откладывали стереотрубу и рацию в сторону, а в ход шли автомат и гранаты.

И тут Андрей Васильевич явно загорелся темой уличных боев:

— В уличных боях нам часто приходилось вышибать врага из населенных пунктов и таких городов, как Орел, Харьков, Кировоград, Умань. А затем в Румынии — Яссы, в Венгрии — Будапешт, Плосити, в Чехословакии — Травна и Братислава, в Австрии — Ямержица и Зноймо...

Рассказывая об уличных боях, Андрей Васильевич особо выделил бой за Будапешт, в котором, как он выразился, гитлеровцы засели во всех щелях и прочно. Многие дома были крепостью врага. Выбивать приходилось не только из домов, но и из подземных коммуникаций, подвалов.

Боевой путь Андрея Васильевича Шмарева богат. Есть о чем вспомнить и рассказать. Поэтому частенько его приглашают в школу, в клуб с боевыми воспоминаниями.

В 1938 году он, приземистый и пробивной характером паренек, родом из села Сумное Соколовского района, был призван на действительную службу в кавалерию. Через год освобождал Западную Украину. Отслужив положенное время, вернулся к мирному труду, который оказался недолгим.

В июле 1941 года он призывается на Западный фронт в артиллерийский 372-й полк под Москвой. Полк оказался резервным Верховного Главнокомандующего.

Полк вырос и был переименован в дивизию прорыва. Сержант Шмарев был назначен командиром разведгруппы. Отныне и до конца войны он с группой разведчиков, оснащенной стерсотрубой и рацией, прошел и пропалз всю Украину и Западную Европу до австрийской столицы — Вены и все впереди своей артиллерии — «бога войны».

Первое боевое крещение испытал при освобождении Орла.

— Это был ад крошечный, — вспоминает он. — Воздух дрожал в сплошном гуле и огне, земля содрогалась. Били из всех стволов и мы, и наши соседи по части.

Только наша дивизия, как нам сообщили потом на митинге, обрушила на головы врага четыре тысячи снарядов. Потом нам — освободителям Орла и тем, кто освобождал Белгород, Москва дала первый победоносный салют.

— Андрей Васильевич, среди многих наград вы награждены медалью «За отвагу». В чем была проявлена отвага? — спрашиваю.

— Это награда не за один боевой поступок. Было несколько удачных моментов. Выдвинешься с группой вперед, хорошо окопаешься и удачно вызовешь огонь на врага — вот и отвага. Мы переживали, когда наши дорогостоящие снаряды вдруг падали не в цель. Однако наградили нас двоих с Николаем Кондратьевым, моим земляком одновременно. А дело было так.

Шла Корсунь-Шевченковская операция. Засветло выдвинулись к оперативному простору, из кустов облюбовали себе высотку, а за ночь вырыли яму, но не успели настроиться — появились вражеские танки. Мы — кубарем с высотки в лес. Нас обстреливают, а мы спешим к своим, чтобы хотя устно сообщить данные о противнике. Командир спрашивает:

«А где стереотруба?» И тут же приказал Кондратьеву вернуться обратно, разыскать единственную в части стереотрубу. Иначе — расстрел! .

Что делать? Я как командир чувствовал себя виноватым не меньше Николая. Поэтому пошел вместе с ним.

На подступах к нашей высотке мы день просидели в кустах, пробрались ночью туда, а там пусто. Все, что мы оставили, враг забрал... Спустились в свою яму, переспали, а утром случайно заметили такой же наблюдательный пункт неприятеля. Дождались ночи и подались: где ползком, где в наклон. Доползли до самой ямы. Дух затаили: слушаем — переговариваются немцы. Осматриваем яму, а они оказывается, вырыли себе сбоку нишу и завесили брезентом для тепла. Вцепились мы в их стереотрубу и бесшумно исчезли.

Двое суток нас не было в части. Считали, что мы погибли.

Командир обрадовался, а когда взгляделся в нашу добычу, то спрашивает:

— А что это стереотруба-то желтая стала? Наша-то черной была?

Мы обо всем рассказали.

Всем было смешно. Но немецким разведчикам наверняка не до смеха было.

Вскоре нас с Николаем и наградили медалями «За отвагу». Так мы с этой желтой стереотрубой до конца войны и действовали.

Жаль, Николай не дожил до окончания войны — погиб он в Чехословакии. Отважный был парень.

Орденом Отечественной войны Андрей Васильевич был награжден после освобождения Будапешта. Домой вернулся в 1946 году.

Преуспел он и в сельском хозяйстве, за успехи в труде награжден медалью «За освоение целинных и залежных земель», а позже — бронзовой медалью «За достигнутые успехи в развитии народного хозяйства СССР».

Таков славный боевой и трудовой путь бывшего артиллерийского разведчика.

1985 г.

— Вижу: всем вам охота знать все про чугунок, а откуда источник? Кто к нам пожалует из городу да расскажет? Никто! Вот и задумал я неделю назад съездить, да во все вышкнуть, да вам и выложить.

Тут послышались возгласы одобрения:

— Спасибо тебе, Ефимыч.

— Дай Бог здоровья.

— Так вот. Улеглись мы с Минькой пораньше, чтобы за-темно встать, и пока вы все спите...

— Ты, Ефимыч, про чугунок, а не про Миньку нам.

— А ты, Проха, удила-то не закусывай. По порядку просили — вот и слушайте. Иначе в моем рассказе перекося получится. Лучше погой запутаться, чем языком. Так вот. Ишо до зарн мы тихо-тихо въехали на гору, а там мимо Кишкибишев да промежду Пенькова и Белова, через леса дремучие — прямо к самой чугунке! !

После этих слов бабы ахнули, закрестились: «Господи, Господи...»

— Постучал я по ней шашкой — железо. Прислонился с Минькой ушами — тихо! Ничего, думаем, дождемся! Отъехали подальше, к лесу. Карьку распрягли, спутали. Ягод лукошку набрали...

— Покороче, Ефимыч, — шумнул кто-то.

— Да как это короче, ежели паровоз где-то замешкался? Ждем мы с Минькой, вот и ты жди.

Все расхохотались.

— Вдруг слышим: гудит, кряхтит-пыхтит, видим, что-то огромное — дым колесом, а он, этот паровоз-то: все ближе и ближе — тух, тух, тух!! Земля под ногами — ходором ходит. Птицы со всего леса поднялись, крик подняли, страх наплыл, спаси, Господи! А Минька: «Я его догоню!» И побег!

— Ефимыч, ты что все про Миньку да про Карьку, а паровоз-то, паровоз?

— А подцепил он, этот самый паровоз, двенадцать вокзалов и прет!

Женщины так и ахнули. Крестятся.

— А на паровозе-то вроде бы барин в шляпе, а из-под шляпы-то дым коромыслом!

— Господи! Да что же делается на свете?! — запричитала Дарья Каварина.

— А то, станичники, — величественно продолжал дед Гордей. — Как проповедует нам святой Иван Кроштадтский,

— вся земля будет запутана проволокой, а в небе будут летать птицы с железными носами! Сиди паровоз прет двенадцать вокзалов, а придет такое времечко — и все тринадцать! Да еще по нашим пашням. А ишо, погой его в темя, столько напридумывают всяких машин и человеку жить негде будет.

..А что, пожалуй, дед Гордей был прав в своих прогнозах. С тех пор прошло всего-то 105 лет, а грузовые эшелоны теперь-то — по сто вагонов! Полное небо «птиц» с железными носами, на улицах — потоки автомашин, человеку тесно и душно.

Но если бы вдруг под Новый, 1991 год, проснулся дед, полюбовался нашим житьем-бытьем, то непременно спросил бы: «А что дала вам эта техника! А где можно без очереди перекусить? Где купить красного сукна на лампасы или те же подштанники?».

Пришлось бы перед ним и покраснеть, и поизвиняться. Хотя... Мы глубоко верим в наступающий 1991 год. Мы в трудностях закалены и на этот раз непременно выживем и добьемся своей цели — всеобщего благополучия.

1990 г.

Усмешки

КАК САМОМУ ЗАЩИТИТЬСЯ

— Нет, гражданин Захлопкин, защищать я Вас не могу, Вы допустили преступление. Ради каких-то бабных венков, Вы срубили 24 молодых березок.

— Ну и что?

— Как что? Судить будем, как злостного браконьера.

— Товарищ защитник, я...

— Не товарищ я для Вас, а господин защитник.

— Извините, господин защитник, но я прошу Вас: защитите. А я Вам за это кабанчика не пожалею. Во, какой вымахал кабанчик!

— Захлопкин, Вы чего мелете? Судить Вас будут и по всей строгости!

— Вот Вы и защитите. На то Вы и защитник, зарплату получаете.

— Да, как же Вас защищать -- Вы погубили природу, нарушили экологию!

— Ну и что?

— А то, что под суд и никаких защит Вам не будет!

— Ну, вот еще.

— Слушай, Захлопкин, ведь Вы же преступник!

— Ну и что!

— Вот и отвечай

— Ну вот еще.

— То есть как «Вот еще» Глупость порете, Захлопкин.

— Ну и что!

— Защищайтесь сами.

— Ну, вот еще. А Вы для чего?

— Захлопкин, Вы свободны.

— А я никуда, господин защитник, пока не защитите. Должность занимаете вот и исполняйте...

Пришедши в отчаяние, защитник забежал по кабинету, сказал:

— Вы безумец, Захлопкин!

— Ну и что!

— О Вас тюрьма, трудовая колония скучает!

— Ну вот еще.

Защитник подумал, подумал и говорит:

— Вот, что Захлопкин, даю совет: защищайся сам и каким образом.

Когда состоится суд — ни слова, кроме своих дурацких «Ну и что? и «Вот еще».

Ни слова больше, понял?!

Захлопни так и поступил. Суд возился, возился с ним: признали его чокнутым и отпустили под «чистую».

С легким паром тебя, Захлопни!

1992 г.

БРАТЬ ИХ НАДО МОРОМ

Как-то едут в автобусе две старушки за груздями и разговор ведут всерьез:

— Ох, и молодежь пошла! Влюбляются, вроде бы души не чают... Сна его Ромэо, он ее Лапочкой. У всех на глазах в обнимку, без стыда целуются, — говорит одна.

— Милая, стыда-то не стало, — говорит вторая.

— А, свадьбы-то, свадьбы — на «Жигулях», с колокольчиками. Ресторан откупают. Сплошной шик, а через год — один пшик... На развод-то идут на своих двоих уж и не в обнимку.

— Не говори, милая. Вот моя внучка третий раз овдовела, а что делать, какое средство от этого придумано?

— Есть средство-то, есть, милая.

— Есть, так расскажи. Дело-то сурьезное.

— А вот и расскажу. Перед войной мой Кирюха возьми да и задурит. К другой повадился... Ой, не приведи господи! Мучилась я, мучилась, а потом и говорю ему, — не держу, дескать, иди, только хлебную карточку я тебе вот фигу! Не отдам и все тут! А он мне — «Любовь преград не признает», перебьемся...

Ушел он тогда, а через недельки две заявился. Господи! Ну шкилет — шкилетом: бока опали, глаза провалились... Поживи-ка вдвоем-то на шестьсот граммов, да без приварка. Жизнь-то покраще теперешней была... Месяц отхаживала, так прощения просил.

Так что, девоньки, только мором их, мором!

На хлеб-то тоже надо талоны ввести, а бабам-то талоны припрятывать от этих Ромэвов.

Небось, припухнут. Разводы-то, небось, поуменьшатся.

1982 г.

ПЕРЕЛОМ

Когда Гога впервые укусил материнскую грудь, то вся семья с хохоту покатилаась:

— Ай да Гогик! Молодец!

— Годик у пет, а он о себе дает знать! — радостно гремел папа, Семен Лукич.

— Весь в тебя. Так и поровит куснуть или щипнуть, — сквозь счастливые слезы проговорила Татьяна Никитична — Гогина мать.

— А по-моему, это и есть переломный момент в развитии ребенка, — сказала прокуреным голосом Гогина бабушка.

Я как близкий сосед вначале тоже был в восторге от такого «перелома», но потом спохватился и самым серьезным образом подсказал:

— А ведь это, друзья мои, прямое начало озорства, которое следует немедленно пресечь. — Так сказать, с точки зрения педагогики...

— Пошел ты со своей отжившей педагогикой! — зарычал Гогин папа. — Это меня в детстве невежественные родители могли драть да шлепать, а как же это в наше-то время?

— Да еще любимого нашего Гогоньку, в унисон мужу сказала Татьяна Никитична.

— Какне-то отстаые, дурацкие советы, — каркнул прокуренный голос.

С тех пор мы стали на «вы». Выкаем, а годы летят, Гога наш растет, озорничает, хулиганит. Попробовали его в детский садик, а он там всех перекусал.

— Вот вам, — говорю, — Семушка, результат.

— Чепуха. Волевой парень растет. В его характере происходит полезный перелом, — заверял тот.

В день своего десятилетия Гога, как уверяли всех родители, «перебрал красненького» и всех ребят на спортплощадке разогнал. Отнял у них футбол и забил гол в окно пишущему поэту.

В жизни Гогина сплошная зеленая улица. В семнадцать лет он с дружками каждую ночь под нашими окнами под гитарный трень — брень ослиные серенады баздал. Соседи, бывало, с жалобой к родителям — дескать, приведите его в порядок, не давайте дальше распускаться, гните дерево, пока оно молодое, но родители утверждали одно и то же:

— Гога ищет себя, в нем происходит перелом...

И вот Гоге идет девятнадцатый. Вчера он в пьяном виде дома побил всю посуду. Хоккейной клюшкой крепко огрел

напашу, мать с прокуренной бабкой почевали у соседей. А когда Татьяна Пикитична по телефону нацупала, куда же ны ответили:

— Перелом... Да, у вашего мужа серьезный перелом... Ключицы и двух ребер.

ПРЕДПРАЗДНИЧНОЕ ЧП

Захожу к соседям, а у них содом и гоморра: Семен Семенович расстроен, лица на нем нет. Клавдия Спиридоновна в слезах...

— Что случилось? — спрашиваю.

— ЧП, — хмуро, ответил муж.

— Да да, чрезвычайное происшествие, — всхлищывая подтвердила жена. Да еще когда — в канун такого праздника!

Оказывается, десятилетняя дочь, их единственное чадо, обозвала Клавдию Спиридоновну дурным словом. «Ишь, ненормальная!» — огрызнулась дочка, когда ей было сделано замечание.

— Сказать так на мать! На свою! Да, еще в канун Восьмого марта! — причитала убитая горем мамаша.

Я тоже был обескуражен, не понимая, как могло такое случиться. Не удивлялись лишь соседи, которые каждодневно слышали, как Клавдия Спиридоновна в гневе ругает дочь словами: «Ненормальная, идиотка, чекнутая!».

Может быть, виновата народная поговорка: «Как аукнется, так и откликнется»?...

ДОРОГИЕ ГОСТИ!

Мы чокнулись за наших любимых жен, дочерей и прочих. Так чокнемся же за здоровье нашей родной, нестигаемой когда-то труженицы, бабушки, Аграфены Спиридоновны, — сказал хозяин торжества.

— А где же она? — спросил гость.

— В доме престарелых она у нас. Век свой доживает.

Так поздравим же мы ее заочно...

С великим праздником женщин и до дна! — воскликнул хозяин, опрокинув стакан...

СПЛОШНАЯ КРУЧИНУШКА

Как-то в жаркий день едлин мы по проверке работы сельских киноустановок и, признаться, по-детски обрадовались, когда в селе увидели колодезный журавль, подвернули.

И, словно поджидая нас, тут же с ведерком вышла преклонных лет хозяйка.

— Вам, небось, попить желательно? — спросила она.

— Попить, бабушка.

— Так вы уж моим ведерочком. Оно чистенькое... Бывает, неразумные шофера с бензиновым ведром в колодец-то поровят.

Мы с благодарностью взяли ее ведерко и достали никем и ничем не замутненной холодной воды и прямо из ведра, побрякивая, поочередно стали утолять жажду.

— Крышку бы надо, да под замок, как раньше было, да вот старик-то у меня второй годок, как помер, а соседи водой пользуются, но заботы никакой...

Подошла корова. Виновато лизнула хозяйку.

— А, явилась. Где же ты шишлялась, пенутовая? Вот возьму хворостину да тебя набуткаю... Ладно уж, панюю и тебя.

— Выходит, одни живете? — полюбопытствовали мы.

— Как есть одна. Сплошная кручинушка. Дети есть, да все в городе. Свои семьи у них.

— Как же вы с хозяйством справляетесь?

— Да хозяйство невелико: одна корова, а вот забот все равно хватает... С кормами забота, доить не могу. Пальцы-то не сгибаются. Тридцать пять годков дояркой была, да все вручную бывало, не то, что теперь.

— А вы, бабушка, корову-то продали бы. Зачем она вам?

— Да что вы, милые! Ежели продам — дети-то совсем перестанут приезжать. Впучат совсем не поविдаю, да не угощаю молочком да сметанкой. А какая тогда будет жизнь у меня? Сплошная кручинушка.

ЭТИ СОВРЕМЕННЫЕ ВНУКИ

— Деда, а ты на фронте был?

— Был, Грипя, был.

— А почему ты живой?

— Посчастливилось. Но ты одно пойми: если бы я погиб, то тебя не было бы.

— Это почему не было бы?

— Да потому, что твой папа от меня, а ты от него. Вот и получается, что ты от меня, значит, ты весь в меня. Понял?

Прошло несколько дней, как у внука случилась беда: самовольно ушел со двора, заблудился.

— Шалопай ты, Гринька, — сказал ему дед, когда милиция доставила его домой.

Внук поразмыслил и спрашивает:

— Деда, если я от тебя и весь в тебя, то выходит, мы оба шалопай?

* * *

Вернулся отец с длительной Верховной сессии и на радостях спрашивает пятилетнего сына:

— Ну, как вы живете-поживаете, Максимка?

— Ничего. А вы там в Кремле, когда перестанете базарить?

— То есть, как это базарить? — возмутился папаша-депутат — Кто тебе так сказал?

— Я сам... А еще деда сказал, что вы все лоботрясы, много говорите, страну нашу объедаете, да еще язык русский засоряете.

— Интересно. Чем же засоряем?

— Да разными плюй-рализмами, афориями, мароториями, приватизациями - махинациями, спонсорами, да...

— Хватит, хватит! — прикрикнул отец.

— Это вам хватит!... Заколебали всех нас. Отзывать вас надо, — сказал мой дедушка.

* * *

— Дядя Коля, здравствуй, — радостно воскликнул Дима.

— Здравствуй, здравствуй и принимай гостинчик.

— Дядя Коля, а тебя что, к нам черт приносит?

— Да ты что, Дима, какой черт? Я сам пришел поприветствовать вас.

— Нет, черт принес, я знаю.

— Ты чего мелешь, Димка! — возмутился отец.

— Не мелю. Ты ведь сам, как увидел в окно дядю Колю, так и сказал: «Вон опять Николая черт несет».

ДРАГОЦЕННАЯ ЗАГОГУЛИНКА

Мой друг Мукатай, уходя на пенсию, заявил супруге:
— Куплю «Жигули». Автомобиль не роскошь, а средство передвижения.

В эту же ночь его жене, Даметкен приснился дивный сон — уселись они с Мукатаем в повенский авто и покатали в город к детям внучат повидать.

— Значит не видать мне «Жигулей», Сон исполняется всегда наоборот, — подумала она.

Так и случилось. Однажды Мукатай лихим джигитом въехал во двор на коне.

— Дорогая Даметкен! Обдумал я и решил: зачем нам «Жигули»?... Во-первых, стоимость в пять раз дороже вот этого друга, во-вторых, горюче-смазочные в цене, в-третьих, кругом ГАИ будет: чуть чего — прокол. И еще, к твоему сведению: автомашина загрязняет атмосферу и пожирает кислород, которым мы дышим.

— Да ладно, ладно. Убедил, — сказала Даметкен, — когда поедем в город?

— Скоро... Куплю сбрую, ходок и покатым!

Но не тут-то было! Ни сбруи, ни ходка — хоть шаром покати — нигде не купишь. Да что там уздечки-поводки — дугу невозможно. Приезжает ко мне Мукатай и с порога изливает свое горе.

— Честное слово, самолет купить проще, — стонет он. — В сарае среди хлама ненужного хомут соседка Агафья Боянова раскопала и подарила. Вместо седелка — мой старый малахай можно приспособить. Вожжи из бельевой веревки мало-мальски получаются, а вот дуги нигде нет.

— А ходок? — интересуюсь. — Без него-то как?

— Ходок — чепуха. Арбу сделаю. Колеса от машграблей нашел в металлоломе. Главное — дуга.

Приходим с ним в магазин «Уют», где продают всякую хозяйственную оснастку, начиная от шила и кончая универсальным ручным трактором.

Спрашиваем продавщицу — про дугу, а она прошила нас пристальным взглядом и спрашивает прощески:

— Может, объясните, что это такое? Ну тут Мукатай начал ей описывать руками, дескать, что такая деревянная загогулина с колечком...

— Вот что, — гневно перебила девушка, — нам тут не до шуток. У нас работа. В нашем преёскуранте не было, нет и

небудет такой «Загогулины». Видали, пришли тут загогуль-
шки»...

И ушла вытирать пыль со стиральной машины, напич-
канной электроникой и механизмами.

Тогда решили мы с верхов начать поиски простейшего
дефицита.

В облторге нам сразу сказали: — Не по адресу пришли.
Дуга, коромысло, сбруя всякая проходит через потребкоопе-
рацию. Дуйте сразу в облпотребсоюз к начальнику отдела
хозтоваров Светлане Ивановне Магуле.

Обаятельная Светлана Ивановна внимательно выслушала
нас, а потом вынула из стола очень строгий документ и зачи-
тала такой пункт: — «...функции обеспечения колхозов и сов-
хозов шорными, обозными и конно-подковными изделиями
возложить на «Госкомсельхозтехнику».

— Наконец-то все ясно! — воскликнули мы и кинулись
в Агропром, в сектор сельхозтоваров.

— Правильно. Пришли вы по адресу. Сбрую нам отгру-
жает Джамбулский комхимкомбинат, сани и телеги — Шор-
тандинская мебельная фабрика, а что касается дуг, то сами
плачем. Заявок много, а помочь не можем. Когда-то их гнул
наш обллесхоз, но потом по неизвестным причинам забросил
этот промысел, а станок куда-то запропастился у них.

— Тогда продайте нам сбрую и телегу, — попросили мы.

— Частным лицам не продаем, — ответили нам.

Когда мы вышли, песолопо хлебавши, на улицу, Мукатая
вдруг осенило.

— А что если к лошаденке еще и «Жигули» прикупить,
— размечтался он. — Да как-нибудь конягу впрячь в авто-
мобиль...

Только от перенапряжения умственного такая мысль
может в воспаленном мозгу появиться. Если, конечно, вооб-
ще голову не потерять, отыскивая нехитрый страшный дефи-
цит шорно-подковного назначения...

1987 г.

БУРЕНКА ПОДВЕЛА

А было это в Пенькове, только я из осторожности заме-
нил имя. Да и было это давненько.

Агафья Ивановна вечерком вышла на улицу, а мимо в
ходочке мчится участковый с двумя милиционерами — пря-

мо в отделенческую контору. И то ли померешилось ей, то ли наяву участковый так «прожег» ее подозрительным взглядом, что из уст Агафьи Ивановны невольнo вырвалось: «Быть беде!» Но на всякий случай у нее был особый вариант. Вспомнила, что предпринять в такой ситуации и, не раздумывая, подхватила флягу со зрелой брагой, вылила ее в колоду, притрусила душистым сеном.

Уедут непрощенные гости, смахнет она с колоды сено, а бражку — к делу.

Подумала так, а сама ради любопытства пошла к магазину, где всегда толпятся люди. Ну, а там все новости. Небось, они-то знают, зачем пожаловала милиция.

А в это самое время Агафьиная буренка пришла из табуна и перазумной своей мордой — в колоду. И как есть, всю брагу выдула. А через несколько минут громко фыркнула и завсеселела. Хвост кверху и пошла по двору рогами ширять: то ведро, то возила рога в корзину как ни жулькала ее — сбросить не может. Так вот, словно в шляпке набекрень, в неменяемом состоянии пошла туда же, где люди.

Все, конечно, врассыпную, а Буренке того и надо — обрадовалась, во всю пьяную дурь замычала да запрыгала.

— Да ведь она пьяная у тебя, Агафья!

— Остепени животное!

— Сильное опьянение, Агафья Ивановна, — заключил милиционер.

В тот день подворный обыск винокурен был начат со двора Агафьи.

Никак не думала она, что ее Буренка сотворит такую подлость. Как только ввели ее во двор, она к колоде и давай своей мордой сено ширять — весь секрет и раскрыла.

Потом и аппарат пашли, и флягу. А в акте сквозь рябь в глазах прочла несколько слов, которые так и врезались в память — «самогонщица», «дело передать в суд».

Уж и досталось Буренке от Агафьи!

1989 г.

РАДИКУЛИТ

Сидим мы на приеме у врача, про свои радикулиты калякаем.

— Разные они бывают. Смотря от каких обстоятельств, — сказал один, видать, стойкий радикулитчик. — Вот у меня

раньше был — от панцирной сетки. Всю жизнь на досках спал, а тут решил побарствовать. За одну ночь нажил, пятнадцать лет носил в пояснице, словно ржавный гвоздь. Уж чем я только не лечился. Всякие травы жевал, настои на спирту из кавказских корней пил.

Однажды, по секрету скажу, даже пренебрег своим моральным обликом — к бабке на сеанс решился пойти. Смешно? А что делать, ежели медицина бессильна? Вы спросите, как бабка? А так... Положила меня на порог голым животом и ну топориком воздух над поясницей сечь. Сечет до приговаривает: «Тень-тень патетень, марш-марш за плетень». Это она, значит, радикулит гонит. Но куда там. Сидит радикулит, а за плетень не думает. Потом я его все же снял. За два дня, как корова языком. Вы спросите, чем снял? Отвечу, простая штука — перцовый пластырь. Восемнадцать копеек цена. Правда, этот пустячок в крайнем дефиците оказался и цена повысилась, а в то время в любую аптеку заходи, бери. Опять же спросите, как это так, радикулит снял, а сам снова на приеме с радикулитом? Отвечу: радикулиты бывают разные — простудный, от чрезмерной тяжести, неловких поворотов, от панцирной сетки, а вот у меня другая причина. Хамский радикулит.

Начальник был у нас по фамилии Почесухин. Фамилия вроде бы безобидная, но куда там! Вызовет кого к себе, да так чесанет, что тот выскочит из кабинета и хватается то за сердце, то за крестец, а то и пониже. А в верхах нахвалиться не могут, дескать, «волевой», «требовательный». С планами при любых обстоятельствах вывернется. А в коллективе он был наподобие моего теперешнего радикулита. Сплошная болячка. При встрече не поздоровается, не спросит, не поговорит по-человечески. Одно знал: «стружку снять», если что, с работы гнал «по собственному желанию»

Поехал я за черенками и метелками в лесхоз и застрял. Да так, что полуось полетела. Порожняком еле-еле вернулся.

Секретарша в форточку кричит: «Агафонов, срочно к Почесухину!».

А ребята, провожая меня, подзадорили: держись, дескать, не пуха, ни пера. Человек ты решительный, если зыкнет — крой за всех нас. Не то теперь время, чтобы орать на всех. Захожу.

— Бездельник, разгильдяй, ты мне план по ассортименту сорвал! Вот тебе, Агафонов, клок бумаги — пиши заявле-

ние и чтобы по собственному желанию — к чертовой бабушке!

Ну, думаю, хватит! Пора за всех обиженных и поруганных... Набираю усилия, меняю позу, мимику, голосовые связки продуваю и без всяких предисловий иду на таран, громче его ору: «На хамство отвечаю хамством! Это первое. Если ты ничего не знаешь и к знаниям не стремишься, то такому в руководителях у нас не место! Второе. Возьми обратно свой клочок бумаги и сам изволь по собственному — к чертовой матери! Изберем руководителя другого!».

Выпалил я ему что надо, а потом чувствую — поясница моя совсем отнялась... Вместе с вешалкой рухнул на пол. Почесухин стоял, как истукан, а потом нажал кнопку и на своем голосом секретарше орет. «Срочно посылки!». Ага, думаю, расчувствовался. Но когда посылки принесли, то он, держась за свою поясницу, рухнул в них и жалобно застонал: «Быстрее в больницу! Довел меня Агафонов, довел!».

Вот так за каких-то пять минут радикулит вывел из строя сразу двоих. При этом не простой радикулит — Хамский. А он, по существу, неизлечим ни перцовым пластырем, ни курортами ни бабушкой с топором.

Так что избегайте радикулита, особенно такого.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТР
На озере Широком	5
Журавлиные танцы	11
Первая охота	14
Прозрачные березы	18
Лес — легкие земли	20
Казаринская береза	25
Теплый колок	27
Остановите загрязнение лесов!	38
Голубая вязель	41
Хитрый чибис	44
Пеньковские зоры	46
НЭП в моей памяти	51
Второе рождение озера	56
Или жить «на семи ветрах»	57
Гроза в лесу	59
Вырасти дерево	60
Коян	63
Ворон	65
Пеньковские первооткрыватели	69
К чему придем	71
Династия Кольцовых	74
Беспокойный человек	75
Встреча	78
Впереди артиллерии	80
Чугунка	83

УСМЕШКИ

Как самому защититься	86
Брать их надо мором	87
Перелом	88
Предпраздничное ЧП	89
Дорогие гости!	89
Сплошная кручинушка	90
Эти современные внуки	90
Драгоценная загогулинка	92
Буренка подвела	93
Радикулит	94

Цена
свободная

75-0